

Маргарита Блинова

Принц на
черном пегасе

Маргарита Блинова

Принц на черном пегасе

<https://litres.ru/74246177>

SelfPub; 2026

Аннотация

Все, о чем грезилa белая ведьма, – это домик в укромном месте и свой маленький книжный клуб, где будут восторженно обсуждать и осуждать нелогичных героинь любовных романов.

Ведьмочка мечтала о тишине и книгах, но многоликий на черном пегасе решил по-другому.

И хорошенько проклясть бы его за такое, но белый гримуар настаивает: для активации заклинания необходимо, чтобы ведьма была влюблена.

Что делать? Придется спешно влюбляться!

Однотомник, входит в цикл "Заговор гримуаров":

1. Ведьма ищет любовь (черная ведьма)
2. Колдун не спрятался, я не виновата (алая ведьма)
3. Принц на черном пегасе (белая ведьма)
4. Заговор гримуаров (янтарная ведьма)

Все книги можно читать отдельно, в любой последовательности.

Содержание

Часть 1. Одна в особняке	5
ГЛАВА 1. В которой ведьма воюет с книгами	5
ГЛАВА 2. В которой ведьма встречает незнакомца и штурмует лужу	12
ГЛАВА 3. В которой ведьма опаздывает на собрание и приходит последней	20
ГЛАВА 4. В которой ведьма вновь хочет пустить молоток в дело	26
ГЛАВА 5. В которой ведьма знакомится с помощником	33
ГЛАВА 6. В которой ведьме затыкают рот	41
ГЛАВА 7. В которой ведьма впервые сталкивается с очередью	48
ГЛАВА 8. В которой ведьма хитрит ради выгоды	55
ГЛАВА 9. В которой ведьма не спит и сталкивается со скандалом	63
ГЛАВА 10. В которой ведьма оказалась первоклассной свахой	70
ГЛАВА 11. В которой ведьма наводит порядок на светлой половине	78
ГЛАВА 12. В которой ведьма узнает все самые свежие новости	86
ГЛАВА 13. В которой ведьма чувствует	95

смущение

ГЛАВА 14. В которой ведьма всех спасает

101

Конец ознакомительного фрагмента.

102

Маргарита Блинова

Принц на черном пегасе

Часть 1. Одна в особняке

ГЛАВА 1. В которой ведьма воюет с книгами

Проскользнув в комнату, я решительно встала напротив книжного шкафа, чьи полки уже давно прогнулись под тяжестью любовных романов, и выдохнула:

— Ну... будь, что будет!

Магический перстень на пальце нагрелся, давая понять, что готов поддержать свою ведьму искрой. Сбоку мелькнула вспышка портала, из которой на журнальный столик возле кресла выпал белый гримуар.

Этот демонстрировать поддержку и дружеское участие не стал.

Наоборот, если бы гримуар имел глаза и умел выразительно их закатывать, то сделал бы это незамедлительно. К счастью для меня и — увы и ах! — для гримуара, глаз у него не было. Пришлось по старинке обходиться насмешливым шур-

шанием и демонстративным открытием на странице с приготовлением зелья удачи. Мол, Шарлотта, не строй из себя светлую колдунью... не позорься, в смысле. Вари зелье по рецепту, как и положено безбашенной белой ведьме, и только потом иди на штурм колдовского книжного шкафа.

— Предатель, — беззвучно прошептала я.

Нет чтобы поддержать в этом нелегком деле хищения чужой собственности. Прийти и помахать плакатом: «Шарлотта, мы верим в тебя!» На худой конец просто не сбивать с настроения.

Нет. Он стоит с ехидной обложкой. Предвкушающе шевелит атласной закладочкой. И всем видом демонстрирует: он не сомневается в моем провале.

Дав себе мысленный зарок поговорить с гримуаром после, я прикусила нижнюю губу и подняла руку. Двумя пальцами ухватила корешок нужной книги. Потянула.

Шкаф угрожающе скрипнул, намекая, что засек меня еще на подходе к его сокровищнице. Запаниковав, я ускорила, стараясь успеть вытащить необходимую мне книгу до того, как придет отмщение, но сделала только хуже.

Спровоцированная мебель вздрогнула, изогнулась под неестественным углом, и обширная домашняя библиотека светлой половины особняка посыпалась прямо на меня.

— Зар-р-раза! — выругалась я и раскинула руки в стороны, в тщетной попытке остановить книгопадение, но проще справиться с грехопадением на шабаше, чем с необуздан-

ными фантазиями талантливых писательниц, заключенных в слова и яркую обложку с характерными для жанра иллюстрациями.

В многожды перечитанные, местами порванные, местами залитые горькими слезами и сладким чаем истории про «и жили они долго и счастливо, пока она не потребовала вынести мусор» точно дикие кошки вселились. Все, как одна, книги легко увернулись от моих загребущих рук, настучали мне по голове, плечам и с победным шелестом приземлились на вытертые доски пола.

Последняя книжица с пометкой 18+ так вообще исхитрилась кувыркнуться в воздухе и тюкнуть меня острым уголком в не защищенную тапкой ногу. Этот удар по самолюбию оказался самым неожиданным.

Говорил мне наставник: «Не связывайся ты, Шарлотта, с взрослой литературой». Правда, в тот раз речь шла о манускрипте по выходцам из нижних миров, а не о художественной истории с интимными сценами. Но эффект в обоих случаях мне не понравился.

— У-у-у-у-и-и-и!!! — взывала я от боли и запрыгала на здоровой конечности по комнате, ругаясь и шипя, аки разгневанная кошка.

Как я, Шарлотта Вайт, докатилась до жизни такой?

Сама, если честно, в шоке!

Еще совсем недавно я была единственной на весь темный ковен белой ведьмой. Чудесной аномалией, которую коро-

левская семья пригрела у себя под крылышком, чтобы после беспощадно эксплуатировать во благо короне.

И жила себе припеваючи в высокой башне, бед не знала! Пока одним солнечным утром не подумала:

— Ой, да катись оно все лесом!

Покидала в сумку вещи. Схватила туфельки для мгновенных перемещений да белый гримуар. Прыгнула с пожитками на метлу и поспешно свалила из замка.

Мне крупно повезло! Именно в этот день другие столичные ведьмы решили устроить крошечный переполох. Ну, что значит «крошечный», когда речь идет о ведьмах... Они просто очень постарались не взорвать столицу и даже особо никого не проклинали. Так... чисто символически повеселились. Магические кольца размяли, обменялись исками, да и разошлись по домам, оставив впечатлительную толпу пить сердечные капли.

На фоне чудачеств коллег по магии мое исчезновение осталось незамеченным и позволило надежно затеряться в маленьком городке на задворках королевства.

Из-за светлых искр мне легко удалось обвести всех вокруг пальца и убедить жителей Страшилвиля, что я приличная светлая колдунья, а не какая-то там грозная ведьма из темного ковена. Даже бдительная и неподкупная госпожа Заленвах, местный мэр, не почуяла подставы.

Меня поздравили с новым назначением, познакомили с жителями, поселили в особняке на улице Поцелуев и жутко

радовались появлению в городе такого важного специалиста. И только мебель на светлой половине особняка что-то подозревала. Подозревала и мелко пакостничала.

— У-у-у! — бурно высказала я свое негодование, прекращая прыгать, и мрачно пригрозила:

— Сдам в библиотеку.

Шкаф насмешливо скрипнул. Книги ехидно промолчали. Гримуар на журнальном столике задохнулся от еле сдерживаемого веселья. Вверх, подобно маленькой юркой змейке, метнулась белая атласная закладка. Закладка свернулась в большой и жирный кукиш, который и продемонстрировала собственно мне. Мол, ври, Шарлотта, да не завирайся! Никого и никуда ты не потащишь. Силенок не хватит.

— А ты вообще на чьей стороне? — возмутилась я.

Гримуар небрежно дернул закладкой, всем своим шикарным видом демонстрируя, что сторона у него одна, его собственная. Дал себе еще секунду, чтобы полюбоваться моим далеким от пацифизма лицом, и скрылся в короткой вспышке портала.

Я осталась один на один с библиотекой светлой колдуньи.

— Эй, шкаф, а может, договоримся по-хорошему? — попыталась решить я дело миром.

Шкаф возмущенно пошатнулся на кривоватых ножках, всем видом давая понять, что не ведет деловых переговоров с идейными врагами.

— Понятно, — со вздохом подытожила я, — делаем как

всегда!

Быстро, пока противник не успел сообразить, что происходит, я вскинула руку с магическим перстнем и выпустила сразу две белые искры. Первая поразила шкаф обездвиживающим проклятьем, вторая — влетела в книжный завал. Куча из любовных романов зрелищно разлетелась в стороны. Откинутые книги воинственно зашелестели страничками, но ничего сделать не смогли. Искра с трудом порхнула обратно ко мне и положила на открытую ладонь помятый томик.

— Да! — возрадовалась я своей крохотной победе в войне с противной мебелью.

«БОМ! БОМ! БОМ!» — прогудели старинные часы на темной половине дома.

— Демоны, — выругалась я, понимая, что еще чуть-чуть — и очень крупно опоздаю.

Прижав к груди отвоеванный у светлой мебели любовный роман «Страсть в пшеничном поле», я сделала тактическое отступление в коридор и сбежала по лестнице. В коридоре мельком глянула на себя в зеркало. Мама дорогая! Почему у меня такой вид, будто я не с мебелью дралась, а участвовала в школьной драке?

Попыталась пригладить растрепанные волосы. Помогло. Но не сильно.

Тогда я нахлобучила на голову соломенную шляпку, подхватила плетеную корзинку и вся такая возвышенная выбе-

жала из особняка на улице Поцелуев.

Легким мотыльком слетела по ступенькам крыльца, вдохнула ароматы цветущего сада. С радостной улыбкой добропорядочной горожанки распахнула калитку и была атакована поджидавшими за порогом неприятностями.

— Госпожа колдунья! — возрадовались мне неприятности в лице Реджины Болл.

ГЛАВА 2. В которой ведьма встречает незнакомца и штурмует лужу

Что делать в ситуациях, когда на вас из засады набрасываются клиенты?

Любая уважающая себя ведьма (вне зависимости от цвета магии) сперва кинет в клиентку грозный взгляд. Если «предупредительный выстрел» не сработал, то продублирует вежливую просьбу отстать от себя крохотным проклятьем. Не смертельным, но крайне неприятным. Например, икотой. Или спотыкашкой.

Обычно этого хватает, чтобы клиент одумался и больше не приставал.

Но то ведьмы. У них свой трудовой кодекс и понятие «режим работы».

Что делают приличные светлые колдуньи в подобных ситуациях?

Радужно приветствуют клиента, выслушивают, зовут выпить чашечку ромашкового чая и клянутся разобраться с проблемой в кратчайшие сроки.

Что делают ведьмы, притворяющиеся колдуньями?

Я подхватила юбку и дала деру.

— Госпожа Вайт? — воскликнула озадаченная девица. —

Куда же вы, госпожа светлая колдунья?!

И ладно бы просто воскликнула. Так нет же! Она целеустремленно понеслась следом.

Со стороны мы смотрелись феерично. Я, белая ведьма в соломенной шляпке и развевающимся легкомысленно-голубом платье, возглавляла забег. Решительно настроенная на победу дочка пекаря и ее вера в мои способности решить все проблемы прямо здесь и сейчас, посреди улицы Поцелуев, стремительно сокращали разрыв в дистанции.

Бежали мы себе и бежали, пока на эту самую улицу из-за поворота не выскочил незнакомый мужчина в дорожном костюме. Беспечный, доверчивый прохожий. Фу таким быть.

Не успев затормозить и даже морально подготовиться, я на всем скаку врезалась в него.

Мужчина едва слышно охнул. Чужие руки рефлекторно поймали меня в свои объятия. Я на миг прижалась щекой к твердой груди и тут же отстранилась. Корзинка выпала из моих рук с тихим стуком упала и наклонилась, вывалив все свое содержимое на мостовую. За спиной послышалось громкое пыхтение Реджины Болл.

Мы с незнакомцем с профессиональной быстротой глянули друг на друга. Оценили. Остались довольны первым впечатлением. И с удивительной синхронностью опустили взгляды.

— Хм... — Мужчина по достоинству оценил разбросанный на тротуаре типичный женский набор: любовный роман,

помада и оружие вразумления.

А вот я озадаченно моргнула.

Как и когда в моей корзинке оказался молоток?

— Однако... — растерянно выдала я, и тут нас нагнала Реджина.

Реджина Болл была дочкой пекаря. И если с самим пекарем лично у меня сложились воистину чудесные отношения, основанные на взаимовыгодном обмене ужасно вкусной выпечки на монеты, то с младшенькой Болл диалог не заладился с самого начала.

Высокая и худая точно жердь Реджина отчего-то решила, что если боги красоты проглядели и при рождении не дали ей грудь размера эдак четвертого, то это вполне себе способна сделать одна конкретная светлая колдунья. Я в свою очередь трижды пыталась объяснить Реджине, что это невозможно. И вообще, надо принимать и гордиться тем, что матушка природа даровала. Но упрямая ослица, в смысле девица, упорно стояла на своем и где-то стабильно раз в неделю предпринимала очередную попытку уговорить меня на чудачество... в смысле на чудесное преобразование.

— Госпожа колдунья! — Реджина светила от счастья, как витрина в дни распродажи. — Пресветлые боги, какое же удачное совпадение, госпожа Вайт...

Ой, что-то сомневаюсь, что Пресветлые на моей стороне.

— Я же вас почти час у дома караулила. Уже было подумала, что вы давно на собрание ушли. Хотела к библиотеке

бежать, а тут вы.

И почему ты вся такая внимательная свалилась на меня, а не, скажем, на отдел по контролю за редкими птичками? Вот где бы по достоинству оценили и зоркий глаз, и недюжинное терпение, и способность часами сидеть в засаде.

— Я, главное, кричу-кричу, а вы ра-а-аз! И с места срываетесь, — продолжала фонтанировать красноречием раскрасневшаяся после пробежки дочка пекаря. — Я уж подумала, что это вы от меня бежите, а вы, оказывается, на свидание.

— Свидание? — на два голоса повторили мы с прохожим.

И только тут я сообразила, что мы с незнакомцем так до сих пор и не расцепились. Стоим такие посреди улицы Понцелуев, как два пылких влюбленных, которые никак не могут разорвать объятья. Рождаем лишние слухи. Плодим свежие сплетни на пустом месте.

Ужас, короче!

— Мы-не-любовники-я-вообще-его-первый-раз-вижу! — скороговоркой выпалила я, отталкивая прохожего и для надежности делая шаг назад.

Тот издал загадочный звук. Нечто среднее между кашлем и рвущимся наружу смехом.

Неодобрительно глянув на мужчину, я вспомнила про элементарные правила приличия и представилась:

— Шарлотта Вайт. Светлая колдунья Страшилвилля.

Логично следовавшее за этим «а вы, собственно, кто будете?» осталось невысказанным, но вполне понятным по мно-

гозначительной паузе и моей вопросительно изогнутой брови.

— Нейтон Рок, — не подкачал прохожий. — Приятно познакомиться.

Господин Рок был хорош. Темные, зачесанные назад волосы. Густые брови и ресницы, делающие темно-карие глаза еще более загадочными. Средний рост компенсировала прекрасная фигура атлета, а дорожный костюм, припорошенный пылью, не скрывал широких накачанных плеч и узкой талии.

Судя по выразительному взгляду, оценившему вырез моего легкомысленного платья, Нейтон Рок был не прочь продолжить такое спонтанное знакомство со светлой колдуньей Страшилвилля в куда более удобном месте. Но я, увы, была непреклонна по отношению к брюнетам. Не настроена на флирт с незнакомцами. И вообще решительно опаздывала.

Кстати, об этом...

Спохватившись, я стремительно присела. Одним четким движением подобрала корзинку вместе со всем ее сомнительным содержимым, включая молоток, и выпрямилась.

— Извините, но мне надо бежать. Рада была встретиться, — выпалила на ходу, бочком-бочком пробираясь между Нейтоном Роком и Реджиной Болл.

Я-то переживала, что настырная девица увяжется следом, но та голодными глазами смотрела на господина Рока и мысленно строила на него далеко идущие планы.

- Господин Рок, я раньше не видела вас в Страшилвилле,
— услышала я у себя за спиной отголоски чужой беседы.
— Я приехал сегодня.
— Надолго?
— Планирую задержаться на пару тройку дней.
— В таком случае я просто обязана показать вам наш тихий, но очень гостеприимный город.

На моменте с «гостеприимным» я самым возмутительным образом не удержала смехок. С гостеприимством Страшилвилля поспорить было сложно. Изголодавшиеся по новостям большого мира, горожане накидывались на любого новичка с энтузиазмом своры собак, приметивших одинокую белую кошечку. Человека могли легко заболтать, покормить и задержать, передавая друг другу, как эстафетную палочки. Выживали лишь самые стойкие, крепкие на желудок и психику гости.

«Тихим» город с названием Страшилвилль тоже никогда не был и уже вряд ли станет.

Мысленно пожелав господину Року удачи, я свернула с улицы и прибавила шаг, торопясь попасть в центр как можно скорее. Пронеслась по дороге, завернула за угол и приготовилась к штурму царь-лужи, что нынче перекрывала проход по перекрестку между Главной и Школьной.

По слухам, каждый год госпожа Заленвах, местный мэр, тратила кучу нервных клеток и средств из городского бюджета, чтобы побороть царь-лужу. И каждый год в Страшил-

вилль приезжала бригада умельцев.

Умельцы чистили ливневки. Туда-сюда ходили со странными приспособлениями, вымеряя уровни. Рыли, копали и сочно матерились, обогащая лексикон местных мальчишек интересными словечками.

За пару недель при помощи грубой силы и такой-то матери умельцы отводили лужу в глубокий овраг за городом и с чистой совестью и большим гонораром покидали город.

Лужа на время исчезала с улиц, давая горожанам надежду на будущее без мокрой обуви. Но будущее это всегда оказывалось обманчивым, а надежда тщетной.

Стоило разразиться первой же крупной грозе, как лужа с царственной неумолимостью образовывалась в другой части Страшилвилля, вольготно перегораживая дорогу и поглощая тротуар.

Жителям не оставалось ничего иного, кроме как натягивать резиновые сапоги и отправляться строить переправу из досок и камней покрупнее, а госпоже мэру в очередной раз пить успокоительные капли и писать претензию начальству повыше.

Придерживая подол платья, я резво штурмовала водную преграду, порхая с одного сухого островка на другой, аки грациозная голубая бабочка. Прыжок, быстрая проходка по узкой деревяшке, широкий шаг и снова прыжок. Остановка.

— Да вы издеваетесь? — ругнулась я, обнаружив, что некто не самый умный откатил следующий камень так дале-

ко, что при всем своем желании хрупкая девушка до него не допрыгнет.

Что делать? Как быть? Тихонько колдануть или не стесняться в выражениях?

И тут ручка молотка, припрятанного в корзинке под любовным романом «Страсть в пшеничном поле», ткнула меня в бок.

— Точно.

Выватив инструмент из корзинки, я присела на корточки и максимально вытянула руку вперед. Подцепила откатившийся камень, перевалила его на бок и приготовилась к тому, чтобы подтянуть к себе поближе, но тут вода в луже разошлась в стороны и аккуратно прямо передо мной из мутных глубин всплыла жуткая морда.

Гибрид мерзкой жабы с руками-щупальцами болотного цвета сосредоточил выпученные глазки на моем офигевшем от такого поворота событий лице. Насмотревшись, жабосьминог растянул рот в подобии улыбки и глубоким грудным голосом спросил:

— Госпожа ведьма, у вас закурить не найдется?

ГЛАВА 3. В которой ведьма опаздывает на собрание и приходит последней

Я вздрогнула от неожиданности. Пришла в ужас от того, что меня раскусили. И в результате так разнервничалась, что со всей дури шарахнула молотком по физиономии курильщика.

Последовал влажный звук удара. Молоток спружинил и отскочил от морды, как мяч от стенки. Выпученные глаза жабосьминога едва не вылезли из орбит. Существо с трудом свело их в кучку, выдало нечто непроизносимое и с трагическим «бульк!» затонуло в мутной воде царь-лужи.

Я посидела в тишине и замешательстве, пытаясь переварить случившееся.

М-да... Нехорошо, как-то вышло.

Дело в том, что популярность Страшилвилль получил отнюдь не за свой мировой рекорд по заплыву в тазиках (целых восемьдесят идиотов, в смысле бравых энтузиастов, форсировали огибающую город речку). И не за самую высокую стацию короля на боевом жеребце (судя по кривому оскалу его величества, в процессе он парочку раз таки упал и сильно зашибся). И даже не за массовую драку в день дружбы...

Страшилвилль получил свою славу и название задолго

до драки, появления памятника и рекорда в тазиках. После окончания последней магической войны между темным и светлым ковенами здесь возник уникальный магический фон, спровоцировавший отвратительную экологию. И эта самая, которая экология, лезла из нижних миров, поражая простых обывателей многообразием форм и размеров.

Массовые прорывы случались редко. В основном диковинки, типа жабосьминога, выползала из мира демонов поодиночке. Пришельцы вели себя с местными вежливо, на рожон не лезли, не нагтели и старались как можно быстрее доползти до госпожи мэра и встать на городской учет.

В самом Страшилвилле они обычно долго не задерживались: королевство кишмя кишело нетрадиционно одаренными на парочку извилин учеными и воистину странными коллекционерами, которые заключали с выходцами из нижних миров трудовые договоры и увозили из Страшилвилля в лучшую жизнь.

И вот поэтому, прижав к груди инструмент самозащиты от неглубоководных монстров, я лихорадочно соображала, что светит одной «доброй колдунье» за непреднамеренный удар молотком по темечку.

Штраф? Беседа один на один с госпожой Заленвах? Или что-то похуже?

Интересно, если соврать, что я была не из вредности и уж тем паче не из желания навредить, а тестировала новый инновационный метод отучения от курения, мне хоть кто-ни-

будь поверит?

Или лучше уйти в несознанку и все отрицать? Мол, ничего не знаю, это вообще не я была, ваш жабосьминог что-то путает. Вы ничего не докажете. Где улики? Где свидетели?

— Ва-а-ау! — выдал нестройный хор из восторженных голосов.

Демоны! А вот и свидетели.

И что ж мне так сегодня не везет-то? Не иначе, как Светлые боги психанули и решили лично проучить одну конкретную ведьму, порочащую доброе имя светлой колдуньи.

Быстро встав, я в расстроенных чувствах обернулась и узрела оживший кошмар любой ведьмы, не обремененной таким важным социальным явлением, как семья и отпрыски.

Да, вы верно поняли. Свидетелями оказались четверо детишек, сгрудившихся на подоконнике открытого окна на первом этаже.

По всей видимости, кто-то из них (а может, и все разом) крупно накосячил, и родители в качестве педагогической меры решили запереть несносное дитяtko дома. Но дитяtko не растерялось и организовало себе веселый досуг самостоятельно, благо лужа под окнами уже имелась и делать ее заново не было необходимости.

В жилище провинившегося были приглашены друзья-соседи, которые решительным образом пустили в ход очумелые ручки, попутно перевернув весь дом в поисках ниток, пуговиц, красок и прочих жутко нужных в творчестве пред-

метов. В результате сорванцы организовали бардак, обеспечили инфаркт для родителей и, видимо исключительно ради разнообразия, смастерили разномастные кораблики, после чего открыли окно и приготовились спустить на бурные воды царь-лужи свой флот. А тут «колдунья», молоток и рожа жабосьминога.

Я выпрямилась, строго глянула на малолетних капитанов и строгим голосом сказала:

— Вы ничего не видели.

Дети обменялись быстрыми взглядами.

— Да-да, — энергично закивали два брата-близнеца.

— Мы будем молчать, как партизаны на допросах, — подтвердила удивительно серьезная девочка с двумя забавными косичками.

— Рыбы разговорчивее, чем мы, госпожа колдунья, — заверил самый высокий парнишка из банды.

И лица у всей компашки стали такими невинными-невинными, что сразу стало ясно — уже вечером об этом инциденте станет известно всем жителям Страшилвилля от мала до велика.

— Заколдую, — пригрозила я, наставив на них молоток.

Угроза заклатья, подкрепленная молотком, произвела ошеломительный эффект.

Малолетняя банда с корабликами мгновенно скисла. Разочарованно вздохнула. Кивнула.

— Вот и чудненько, — резюмировала я.

«Бульк!» — раздалось с противоположного края лужи, намекая на то, что жабосьминог не только выжил, но и добровольно отказался от мысли стрелять у ведьмы сигаретку.

Мы дружно повернули головы в сторону звука. После чего малолетняя банда переглянулась. Банда просигнализировала друг другу бровями. Банда уставилась на меня с интересом. С нехорошим таким интересом. Прямо скажем — пугающим!

— Тетенька, а вы правда ведьма? — на правах самой смелой спросила девочка с косичками.

— Что вы, дети! — нервно рассмеялась я, поспешно пряча свое страшное оружие массового запугивания обратно в корзинку. — Я добрая колдунья.

Дети глянули на меня с выражением «ты за кого нас держишь, тетя?».

— Просто не выпалась, — поставила я мрачную точку в этом неутешительном для себя разговоре, решительно отвернулась и

бодрой козочкой поскакала вперед.

Одолев царь-лужу, пересекла городскую площадь, вежливо кивнула целеустремленно шагающей куда-то госпоже Зеленвах, мэру нашего города, и взбежала на крыльцо. Ворвавшись в двухэтажное здание, совмещающее в себе библиотеку, начальную школу и класс для музицирования, торопливо сорвала с головы соломенную шляпку и, не сбавляя скорости, промчалась мимо библиотекаря, скучающего за стой-

кой.

— Опаздываете, госпожа светлая колдунья, — сказал подслеповатый старичок, всю жизнь проживший в окружении книг.

— Знаю! — коротко и зло выдохнула я, пересекая узкий зал и хватаясь за ручку двери, что вела в предоставленный для собрания читальный зал.

Распахнув створку, я с извиняющейся улыбкой ступила за порог.

— Добрый де... — начала я и запнулась.

Сидевшие тесным кружком женщины всех возрастов и социальных положений, как по команде, повернули ко мне головы.

— Не-е-ет... — в ужасе выдохнула я.

Но было поздно.

По радостным взглядам и заговорщическим улыбкам присутствующих стало понятно: случилось непоправимое.

Они начали собрание клуба без меня и уже выбрали книгу!

ГЛАВА 4. В которой ведьма вновь хочет пустить молоток в дело

— Госпожа Вайт! — попыталась изобразить бурный восторг по случаю моего появления Дина Марлоу, самая позитивная любительница романов в нашем маленьком книжном клубе.

— Вы как никогда вовремя, госпожа колдунья, — кивнула Гортензия Флау, дважды вдова с туманным прошлым.

Остальные дамы дружно кивнули, и стало очевидно: эта книжная банда сговорилась за моей спиной.

С трудом подавив в себе острый приступ профилактических проклятий светлыми искрами, я от души хлопнула дверью, прошла в притихший круг из стульев и села на заботливо оставленное для меня местечко.

— Даже не думайте, я уже выбрала книгу на месяц! — твердо сказала я, вытаскивая из корзинки чудом отбитый у книжной мебели томик «Страсть в пшеничном поле». — Вот.

Книга пошла по рукам.

— Какая обложка... — немедленно оценили Дина Марлоу с ее лучшей подругой Ниной Мау, покрутили в руках и передали дальше.

— Я читала, — сказала Гортензия, не удостоив любовный

роман даже секунды своего внимания, передала следующей и презрительно скривилась. — Глупость несусветная.

— И я, — поддержала ее внучка судьи, вчитываясь в аннотацию, на миг задумалась и уверенно кивнула. — Кстати, подсудное дело.

На нее вопросительно уставились все участницы нашего литературного клуба. Даже я, ибо, хоть убей, не помнила в данном шедевре женской мысли ни одной противозаконной строчки.

Девушка шумно выдохнула и скопировала позу дедушки.

— Дамы, ну вы чего? — посетовала она и пустилась в объяснения. — Пшеничное поле из данного романа не на пустом месте выросло. Его кто-то вспахал, засеял и взрастил, а они сперва колосья поломали, пока друг за другом бежали, потом знатно так примяли своими телесами, пока отдавались во власть вспыхнувшей страсти, а на десятой главе так и вовсе едва не сожгли все к демонам. Хозяин вполне мог требовать с этой парочки идиотов нехилую денежную компенсацию или заставить отрабатывать причиненный полю ущерб.

— И не забудь про комаров и прочих гадов! — напомнила наша дважды вдова с богатым прошлым.

— А что с ними? — не поняла мадам Буше, бывшая столичная актриса с не менее бурной молодостью.

— С ними в полях все как раз нормально, в отличие от авторской логики, — экспертно скривила губы Гортензия

Флау. — Кусают, жалят, жужжат над ухом... Все, как и положено.

— И что?

— И то! — назидательно выдала вдовушка, поднимая палец вверх. — Знаешь, как тяжело сконцентрироваться на страсти, если тебя прямо в зад жалят?

— Кхм... — выразительно прочистила я горло, глянула на роман другими глазами и сдалась. — Ладно. Рассказывайте. Что вы там за книгу нашли?

Народ заметно воодушевился. Дамы и девушки принялись наперебой говорить, точнее расхваливать выбранную историю. Шум поднялся такой, что даже старичок библиотекарь не выдержал. Преодолев лень, артрит и усталость, он таки соизволил оторвать зад от продавленного кресла, дошаркать до нас и сделать замечание.

— Милые дамы, я все понимаю, — сказал он строго. — Литература волнует и мое старое сердце, но давайте же соблюдать тишину.

Словно в насмешку из-за стены, где располагался класс для музицирования, раздались первые аккорды расстроенного из-за влажности рояля. Концертмейстер откашлялся и звучным басом пропел:

— До, ре, ми, фа, соль, ля, си...

— Ты колдунью не беси, — дружно грянул хор, что обычно выступал на городских праздниках.

Все покосились в мою сторону. Я смущенно кашлянула.

Опустила глаза. И вообще притворилась воспитанной светлой колдуньей без даже тени намека на темный ведьмовской дар.

— Си, ля, соль, фа, ми, ре, до... — вновь подал голос запевала.

— Колдунья знает тхэквондо, — поддакнул хор.

Не выдержав, я вскинула руку и выпустила светлую искру. Та взмыла в воздух, вертким комариком облетела читальный зал, касаясь каждой стенки и делая их звуконепроницаемыми, а после с мелодичным звоном растаяла в воздухе. Комната погрузилась в тишину, которую опасались нарушить все. Ну кроме меня, конечно.

— Продолжим? — вопросительно приподняла я брови, пряча коллективно отвергнутую «Страсть в пшеничном поле» обратно в корзинку. Именно этот момент молоток выбрал для того, чтобы выпасть, кувыркнуться и с победным «шлеп!» упасть на пол.

Библиотекарь впечатлился и предпочел сделать замечание по поводу шума пауку Сереже, что проживал в углу над закутком с конторкой. После чего совершил тихое стратегическое отступление в коридор и беззвучно затворил дверь.

Увы, но дамы из книжного клуба не пожелали проникаться наличием в моей дамской корзинке инструмента для вколачивания здравых истин. И вообще сделали вид, что таскать подобные вещи — это норма. То есть всем своим видом давали понять, что отступать не намерены и будут защищать

выбранную книгу до победного конца.

Слово взяла Дина Марлоу, самая отважная любительница женских романов.

— Я предлагаю читать потрясающую новинку этого года. Книгу написали два автора. По слухам, это непробужденная ведьмочка по имени Розетта из городка Доротивилль и самый настоящий демон, которого она призвала из потустороннего мира.

— Что за бред, — не сдержалась я, ибо где это видано, чтобы выходцы оттуда ценили что-то кроме кровавых ритуалов и дармовой силы.

— Нет же, госпожа колдунья. Его зовут не Бред, а Фред! — исправила меня госпожа Гудок, жена отставного вояки, коротавшего законную пенсию в тихом Страшилвилле.

— Какой еще Фред, слепая ты курица, — возмутилась дважды вдова Гортензия Флау. — Демона зовут Федечка.

— Какое однако оригинальное имя для демона... — не удержалась я от сарказма, но его почему-то никто из присутствующих не уловил.

— Вот и мы так подумали! — обрадовалась Дина Марлоу.

— Книга называется «Злодей для моего романа», — подхватила ее закадычная подруженька Нина и вскинула руку с зажатым в ней письмом. — Моя столичная кузина уже прочитала и говорит что это... что это... — Она сделала многозначительную паузу, глянула на Дину, и они с придыханием выпалили:

— Ну полный отпад!

Верила ли я, что это будет восторг, отпад и прочие радости? Ни на грамм.

Хотела ли повторно вытащить из корзинки молоток? Однозначно!

Пустила ли я свое оружие в дело? Конечно нет.

Просто вовремя вспомнила, что вообще-то играю роль светлой колдуньи, а они сострадательны, открыты и, кажется, вообще не обременены такими важными глупостями, как личные границы и собственное мнение.

— Хор-р-рошо, — выдохнула я сквозь плотно сжатые зубы и обратилась к радостной общественности:

— И где мы найдем эту отпадную новинку в нашем захо-лустье?

— О-о-о! — оживилась эта самая общественность.

Не к добру, скажем честно, оживилась.

— Вот тут самое интересное, госпожа колдунья, — воскликнула Дина Марлоу. — Мы все продумали.

— Этого-то я и боялась, — буркнула я и приготовилась внимать.

Их план был на троечку с минусом. Можно даже сказать — провальным, что я и сказала, но воодушевленной толпе женщин, горящих страстным желанием читать популярную новинку, все было нипочем. Они свято верили, что все пройдет как по маслу, поэтому логика в очередной раз оказалась брошена через бедро на лопатки и всеми забыта. А

мне не оставалось ничего иного, кроме как скрипнуть зубами и сдавленно прорычать:

— Ладно. Уговорили.

— ДА!!!

Библиотеку наш книжный клуб покидал в самом приподнятом настроении и ничем не подкрепленной уверенности, что все задуманное пройдет, как надо. И только я с молотком и отвергнутым романом плелась последней, мрачно предвидя неутешительный итог и наше громкое поражение.

— В субботу в пять на главной площади, госпожа колдунья, — наверное, в сотый раз повторила Дина Марлоу, а я не стала врать, что буду вовремя.

Просто молча и максимально убедительно кивнула.

Выйдя из здания, мы разошлись.

Дина и Нина, две неразлучницы-подружки, хихикая о чем-то о своем, побежали домой вместе. Госпожу Гудок ждал ее терпеливый вояка на пенсии. Дважды вдовушка Гортензия взяла под локоток мадам Буше и повела бывшую столичную актрису загадочным маршрутом в неизвестность.

Проводив всех задумчивым взглядом, я немного постояла на верхней ступеньке крыльца и уже занесла ногу, чтобы сделать первый шаг по направлению к дому, как внезапно обнаружила в темнеющем небе... черного пегаса.

ГЛАВА 5. В которой ведьма знакомится с помощником

Пегас? Черный?

Да вы надо мною шутите!

Я так прониклась данным видением, что промазала мимо ступеньки и едва не клюнула носом о кованые перила, рискуя попутно переломать себе ноги. Кубарем слетела со ступенек, метнулась вперед и встала так, чтобы крыши домов не закрывали неба.

Со стороны это выглядело наверняка очень и очень странно. Госпожа светлая колдунья в легкомысленном голубом платье и соломенной шляпке внезапно срывается с места, бежит на площадь, застывает там аккурат посреди и пристальным взглядом буравит облака на небе. Но мне было плевать на частное мнение прохожих.

Черные пегасы — уникальная редкость, и, по слухам, перо из крыла этой чудо-лошади приносит своим обладательницам удачу. Не то чтобы я сильно нуждалась в этой самой удаче, хотя давайте объективно — удача лишней не бывает. Просто сама мысль, что где-то между страничек белого гримуара будет припрятано такое перышко, невероятно грело душу.

Но увы! Всем моим чаяниям не суждено было сбыться.

Пегас редкой в природе масти упорхнул в неизвестном направлении, оставив белую ведьму ни с чем.

С другой стороны, вот увидела я пегаса — и что дальше? Кричать и размахивать руками, привлекая внимание экзотической «птички»? Бить по нему белой искрой? Бежать в особняк за метлой и пускаться в погоню?

— Госпожа колдунья?

Я вздрогнула от неожиданности, выплыла из задумчивого созерцания неба и обернулась.

В пяти шагах от меня стояла озадаченная госпожа Зален-вах, мэр нашего славного города. Темные волосы с широкой проседью на висках, классический пиджак, легкое платье насыщенного зеленого цвета, удобная обувь, в которой усталым ногам комфортно бегать весь рабочий день.

Дамочке было уже хорошо за пятьдесят, но она уверенной рукой наводила порядки и держала местное население в узде. Ее опасались. Ее уважали. К ней бежали в случае чего.

Идеальная ведьма. Только без темного дара.

И вот эта самая почти ведьма сейчас смотрела на меня тяжелым немигающим взглядом. Этот взгляд заставлял бездельничающих сотрудников проявлять трудовой энтузиазм, рабочих — срочно сворачивать шестичасовой перерыв, а ссорящихся просителей — мгновенно затыкаться. Самые неустойчивые при этом начинали молиться и писать чистосердечные признания, в цифрах и деталях сдавая все свои секреты. Но я была закалена дворцовыми интригами и учи-

телями из тайной канцелярии, поэтому выдержала взгляд, вежливо улыбнулась и изобразила радушие.

— Госпожа мэр, добрый вечер.

И, видать, немного переборщила с этим самым радушием, ибо госпожа Заленвах прищурилась, поравнялась со мной и тоже с подозрением уставилась на небо.

— Заметили что-то, госпожа Вайт?

— Да так... по звездам гадаю, — соврала я.

И, надо сказать, отвратительно. Никогда не врете настолько плохо, как это сделала только что я.

Мэр не обнаружила в подступающих сумерках даже намек на далекие небесные светила, выразительно хмыкнула и глянула на меня с выражением «ты за кого меня держишь?»

Ох, блин! Шарлотта, срочно меняем тему, пока эта акула из администрации не вцепилась в тебя мертвой хваткой и не оторвала кусок посочнее.

— А как ваши дела, госпожа мэр? Все ли в порядке? Много ли за день набежало просителей? Как продвигаются работы по подготовке к празднованию дня города?

Госпожа Заленвах скривилась так, будто я встала на ее свежую мозоль и хорошенько потопталась.

— Вам честно или вежливо, госпожа колдунья? — уточнила она.

— Как сами сочтете нужным.

— Ужасно! — неожиданно взорвалась обычно сдержанная госпожа Заленвах. — Просто хуже некуда!

— В бухгалтерии опять не сошелся годовой отчет?

— Если бы... — трагично выдохнула мэр, став просто за-
дерганной женщиной.

— Даже так? Признаюсь, я заинтригована.

Госпожа Заленвах подняла глаза к небу, словно искала у
него сил, ну или хотя бы поддержки, и с горечью выдохнула:

— Ко мне приехали внуки.

— Это вы так бесхитростно пытаетесь завуалировать сло-
во «монстры»?

Мэр выразительно промолчала. И этого печального мол-
чания оказалось достаточно, чтобы я прониклась к ней ка-
пелькой сочувствия.

А что такого? Я хоть и ведьма, но тоже женщина. И ничто
человеческое мне не чуждо. Вот!

Даже подумала о том, чтобы перетрясти стратегические
запасы с баночками и предложить нашей строгой градопра-
вительнице убойную микстуру от кашля, которую сварила
одна из моих коллег по зельям. К слову, сварила неудачно,
ибо кашель микстура не лечила. Зато оказывала стопроцент-
ный успокоительный эффект даже на самых буйных. Я в свое
время проверяла на принце Каллиане и знаю о чем говорю.

Одна маленькая капелька, подмешанная в напиток, и по-
жалуйста! Следующие двадцать четыре часа спокойны вну-
ки и счастлива бабушка.

Но предложить чудо-микстуру я не успела.

Тихий вечер прорезал полный отчаяния вопль:

— Госпожа Заленва-ах!

К нам бежал высокий, широкоплечий мужчина моего возраста. Светлые волосенки по столичной моде зализаны назад, на длинном носу очки в тяжелой черной оправе, в руках куча каких-то бумаг, аккуратно перевязанных красной лентой.

С нескрываемым интересом оценив бегуна, я наклонилась к плечу госпожи Заленвах и тихонько уточнила:

— Тот самый внук?

— Нет, — устало вздохнула та. — Это Теодор, мой новый помощник. Прислали на практику из самой столицы.

Очень захотелось спросить «За что?» и вообще разобраться, кого конкретно хотели наказать этим назначением? Несгибаемую госпожу Заленвах? Юнца, не нюхавшего жизни? Или сразу обоих? Но я не стала сыпать соль на рану.

А тем временем Теодор стремительно приближался.

— Госпожа Заленвах, подождите же меня! — выкрикнул он с таким отчаянием, словно госпожа мэр уже подхватила юбку и приготовилась драпать от нового помощника в противоположную сторону.

Мэр в сердцах ругнулась и буркнула под нос неразборчивое проклятье, видимо желая столичному практиканту провалиться сквозь землю. И вот так чудо! Теодор сделал еще один широкий шаг, и брусчатка под ним вздрогнула.

— А-а-а!!! — Помощник издал нечто среднее между визгом терьера и брачным криком снежного барса, нелепо

взмахнул длинными руками и по пояс ушел в получившуюся дыру.

Выпущенная стопка с документацией подлетела высоко вверх. Ленточка, удерживающая листы, лопнула, и ценные для города бумаги непослушной стаей разлетелись по всей площади.

Я моргнула и повернула голову к потрясенной госпоже За-ленвах.

— Скажите, он всегда такой везучий? Или это просто сегодня не его день?

— Полагаете, этим вечером звезды для Теодора сложились в одну исключительно неприличную фразу? — с холодной ехидцей уточнила госпожа мэр.

Я полагала, что звезды имели наглость грешить и не такими заковыристыми комбинациями, но благоразумно не стала развивать эту тему. Мало ли... Вдруг еще подслушают, обидятся, придумают план мести... Оно мне надо?!

Тем временем помощник с зализанными волосенками попытался самостоятельно справиться с возникшей проблемой. Дернулся один раз, другой. Не помогло. Края получившейся ямы плотно держали его талию, а болтавшиеся снизу ноги никак не могли отыскать опору для рывка наверх.

Тогда Теодор решил найти эту самую опору на земле нашей грешной. Он уперся ладонями в брусчатку, надул щеки, покраснел от натуги и... И был вынужден затравленно поко-ситься в нашу сторону.

— Помогите? — жалобно пропищал помощник из ямы, впрочем без всякой надежды на успех и наше великодушие.

— Госпожа колдунья, подсобите чуток? Или мне за му-
жиками в таверну идти?

Громко вздохнув, я таки решила явила этому миру чудо. Ведь где это видано, чтобы уважающие себя ведьмы причиняли добро и выручали слабых за бесплатно?

Кольцо на пальце нагрелось, тоже не особо радуясь перспективе работать за спасибо. Белая искра уже готова была сорваться с ободка, но Темные боги видимо решили уберечь свою непутевую дочь от бесплатного расточительства искр и бескорыстной помощи.

— А-А-А!!! — внезапно заголосил на всю площадь помощник в лучших традициях опытной истерички.

— Что? — перепугались и мы.

Краски покинули и без того далекую от свежего румянца кожу помощника, глаза расширились от ужаса. Он ткнул пальцем вниз и заорал во всю мощь испуганных легких:

— Меня там кто-то потрогал!!! — И задергался еще активнее.

Так и вышло, что в деле высвобождения мэрских помощников самым действенным оказалось не заклинание, а банальная паника и мысль, что в следующий раз неизвестный кто-то может не только потрогать, но и сожрать.

Не успела я даже рукой взмахнуть, а Теодор с шумом вырвался из оков ямы, оказался на четвереньках и бодрым та-

раканчиком драпанул прочь, так споро работая всеми четырьмя конечностями, словно в прошлой жизни не был прямоходящим и память предков вовремя подкинула забытый навык.

Что делают хрупкие женщины в таких ситуациях? Зовут на помощь мужчин и впадают в панику.

Что сделали мы с госпожой мэром? Мы бросились к яме и заглянули в ее темные глубины с бесстрашием молодой ведьмы и бабушки, закаленной внуками.

На дне канализационной шахты сидело пучеглазое нечто с щупальцами из царь-лужи. На голове монстра набухла здоровенная шишка, свидетельствующая о том, что встреча с ведьмой и ее ручным молотком не прошла для пришельца из нижних миров бесследно. Жабосьминог прикладывал большой пакет с замороженным горошком к больному месту и смотрел на нас большим грустным глазом.

Почему глазом? Да потому, что второй оказался подбит в процессе экстренной эвакуации помощника из ямы, и теперь не открывался от слова «совсем».

— Да я же просто помочь хотел! — с обидой прогудел жабосьминог, по всей видимости окончательно разочаровавшись в нашем недоброжелательном мире.

ГЛАВА 6. В которой ведьме затыкают рот

Я говорила, что жители Страшилвилля жутко гостеприимные? А что-нибудь насчет их врожденного любопытства? Тогда никто не удивится, что уже через три минуты после происшествия с Теодором к площади начали подтягиваться зеваки.

В доме напротив вспыхнули окна, к которым тут же прильнули заинтригованные дамы, прячущиеся за пестрыми занавесочками. Вахтер, стерегущий здание мэрии, вышел на улицу и замер, издалека наблюдая за случившемся. Подойти и лично поприсутствовать ему мешало наличие госпожи Заленвах в гуще событий: та жуть как не любила, когда сотрудники отлынивали от работы.

Двое мужиков, идущих из таверны, бросились поднимать и отряхивать обескураженного Теодора, все еще бегущего куда-то на четвереньках. Их третий товарищ промчался мимо и начал собирать разлетевшиеся по площади документы, но одурманенное выпивкой тело, слушалось с большим опозданием и неохотой, отчего он больше топтал и мял листы, чем реально их спасал.

— Ты что, ирод, творишь?! — возмутилась госпожа Заленвах и ринулась на защиту ценных бумаг.

Игнорируя всеобщий ажиотаж, к яме подошел хозяин лавки по ремонту и починки. Присел у края. Осмотрел пришельца. Констатировал:

— Эк тебя угораздило.

— Да вот... — беспомощно развел щупальцами жабосьминог и жалобно попросил: — Мужик, дай закурить, а? Такой паршивый денек выдался, что хоть ты обратно в нижний мир ползи...

Хозяин лавки сочувственно кивнул, похлопал себя по карманам и кинул мученику всю пачку. Я же воспользовалась моментом и бочком-бочком поспешила улизнуть с площади. А то знаю я местных — не успеешь вовремя слинять, как и сама не заметишь, что уже швыряешься искрами направо и налево, восстанавливая брусчатку на площади и попутно заговаривая кому-то простуду, чирей и разболевшийся зуб.

И не то чтобы жалко людям помочь. Просто в умах большинства светлые колдуны и колдуньи работали за «спасибо». Чего я себе ни как ведьма, ни как женщина в бегах позволить не могла.

А если завтра в город нагрянет куча стражников с приказом возвратить захотевшую свободы белую ведьму, а у меня нулевой резерв и дырка от бублика в кармане?

Нет уж! Спасибо, я лучше пойду.

Уже сворачивая на родную и любимую улицу Поцелуев, где в теплом доме меня ждал белый гримуар и вредная свет-

лая мебель, я повторно увидела брюнета, в которого врезалась при попытке сбежать от навязчивой Реджины Болл.

Нейтон Рок все еще был в дорожном костюме. Он стоял в узком прогулке за грудой составленных друг на друга деревянных ящиков и осторожно выглядывал из-за края, высматривая что-то в сумерках вечера.

Каюсь, меня так сильно заинтриговала эта картинка, что я встала рядом и попыталась тоже незаметно выглянуть.

— Что там? — шепотом поинтересовалась у мужчины.

Господин Рок метнул в мою сторону взгляд. Одним быстрым движением схватил за талию, прижал к своей мощной груди и отшатнулся к стене. Не успела я пикнуть, возмутиться или предупредительно ударить белой искрой, как оказалась в тесном тупичке за ящиками.

— Ни звука, — коснулся уха горячий шепот.

Ни звука? Да за кого он меня принимает? Я белая ведьма, а не запуганная жертва обстоятельств!

— Какого хрена? — вслух высказала я все, что думала о подобном обращении.

Адекватная особь противоположного пола уже давно бы выпустила меня из захвата, извинилась и шустренько сбежала от карающей искры, но Нейтону Року, видимо, не доставало в жизни экстремальных впечатлений.

Чем еще объяснить тот факт, что широкая мужская ладонь попросту накрыла мой рот, лишая возможности голосить и возмущаться.

Это что? Это как? Это он подумал, что бессмертный?!

Вывхватив из корзинки свою палочку-выручалочку, имеющую в простонародье молотком, я приготовилась наступать нахалу по тому месту, которое возомнило себя альфа-самцом с повадками «закрой рот, женщина», но тут со стороны улицы послышались легкие девичьи шаги.

— Господин Рок! Господин Рок! Где же вы? — узнала я голос Реджины Болл.

Мы с мужчиной замерли, как две накосячившие мыши при виде грозной кошки.

Вопреки своему же приказу «ни звука», Нейтон Рок тихо выругался. Судя по экспрессии в выражениях, дочка пекаря провела ему не только обзорную экскурсию по городу, но и попутно склевала последнюю здоровую нервную клетку. Я бы позлорадствовала, но ситуация не располагала.

— Нейтон! Нейтон! Ну где же вы? — продолжала настырно взывать к его совести и хорошим манерам дочка пекаря.

Но господин Рок предпочел утратить оба этих качества и окончательно разочаровать Реджину, поэтому не вышел. Наоборот, прижал меня к себе еще сильнее и ткнулся лицом в мои волосы.

Это его нехитрое действие отчего-то полностью отбило у меня тягу к сопротивлению и членовредительству. Рука с зажатым в ней молотком беспомощно опустилась, а желание вырываться, кричать «караул» и проклинать направо и налево так и вовсе куда-то пропало.

Я вам даже больше скажу! Крепкие объятия показались мне... волнительными. Теплое дыхание очень даже приятно щекотало кожу шеи, да и в целом мое собственное тело прислушалось к новым для себя ощущениям мужской близости и, кажется, распробовало.

— Неужели сбежал? — возмущенно топнула ножкой дочка пекаря. — Говорила мне мама: «Тащи сразу в храм»! И почему я ее не послушалась?

Воображение сразу нарисовало предивную картинку того, как повидавший на своем веку многое храмовник со сдержанным спокойствием и усталостью ждет новоиспеченных молодоженов. А молодожены все не идут и не идут, ибо Нейтон Рок вцепился в дверной косяк и намертво застрял в проходе, а злая и потная Реджина с букетиком невесты в зубах двумя руками пытается пропихнуть несговорчивую жертву под своды храма.

«Нет! Я слишком молод! Я еще не пожил для себя!» — кричит воображаемый Нейтон Рок так, словно накануне взял несколько уроков по публичным истерикам у новоиспеченного помощника госпожи Заленвах.

Кричит так громко, словно пытается дозваться до помощи. И она приходит. Но не к нему.

На пороге храма появляется все обширное семейство Болл.

«Сопротивляется?» — уточняет маменька.

«Угу», — мычит упрямая дочь.

«Заставим», — безапелляционно цедит бабушка.

«Ломай косяк и дверь», — командует дед, а папенька-пекарь извлекает из кулинарного фартука здоровенный лом.

Кажется, я так впечатлилась абсурдом этой картины, что тихонько прыснула от смеха в мужскую ладонь и выдала нас двоих с потрохами.

— Господин Рок? — уточнила Реджина, обошла конструкцию из деревянных ящиков и застала нас в самой что ни на есть двусмысленной положении.

— Что? — возмутилась она и предположила самое худшее: — Так вы двое... встречаетесь?!

— Нет, — открестился от романа со светлой колдуньей Нейтон, поспешно убирая руку от моего рта и выпуская из захвата.

— Это вообще не мы, — ушла в несознанку и я.

Потом подумала и сделала то, что вообще-то делать было категорически нельзя. В особенности светлым ведьмам, в смысле колдуньям, но обстоятельства требовали. Короче, я помолилась Темным богам, чтобы про это никто не узнал, и подкрепила свои слова белой искрой.

Та ярким светлячком метнулась к девушке и тюкнула ее по лбу. Реджина недоуменно моргнула и заторможенным голосом спросила:

— Кто здесь?

— Крысы, — подсказал Нейтон, мгновенно распознав проклятье полного подчинения. — Скажи, что она видит за

ящиками двух упитанных крыс.

— Не учи ученую, — прошипела я и вновь сконцентрировалась на Реджине: — Ты видишь монстра с головой жабы и щупальцами осьминога, который спрятался за ящиками, чтобы в одиночестве воскурить сигарету.

Господин Рок глянул на меня так, словно начал крупно сомневаться в моей адекватности и умственных способностях, но я предпочла проигнорировать этот недружелюбный взгляд, подрывающий самооценку.

— Добрый вечер, господин монстр, — вежливо кивнула Реджина, глядя нам под ноги. — Не забудьте встать на учет в мэрии.

Теперь выразительного взгляда от Нейтона Рока удостоилась не только я.

— Реджина... — Я немного усилила магическое давление. — Тебе срочно надо домой.

— Ой! Я же утюг не выключила, — послушно воскликнула Реджина, срываясь с места и уже через миг пропадая из виду.

Мы с Нейтоном Роком дружно выдохнули, праздную маленькую победу над общим врагом. После чего я развернулась лицом к мужчине, уперла руки в бока для пущей важности и выразительно глянула.

— Что? — не понял тот.

ГЛАВА 7. В которой ведьма впервые сталкивается с очередью

Пришлось пояснять:

— Я жду ваших извинений и слов благодарности за спасение от Реджины.

Нейтон привалился плечом к каменной кладке дома и сложил на груди руки, давая понять этими невербальными сигналами, что себя виноватым не считает. И вообще не видит косяков. И это значит что? Правильно. Значит, попытается переложить ответственность на других. На меня то бишь.

— Напомню, что если бы не вы, госпожа светлая колдунья, то Реджина Болл никогда не познакомилась бы со мной. А еще это именно вы засмеялись и выдали мое укрытие.

Вот. А я что говорила!

— Напомню, — не осталась я в долгу, — что вы схватили меня, как какой-то варвар из дикого племени, и заткнули рот рукой. Грязной!

Мужчина сжал кулаки, зубы и, судя по выразительной гримасе, еще и собственную психику, заметно расшатавшуюся после обзорной прогулки по Страшилвиллю в компании с Реджиной. Весь его вид говорил о том, что внутри готовится пространный монолог на тему мужского и женского, но я сработала на опережение:

— Учти. Одно неверное слово — и я права.

Нейтон на секунду замер, переваривая смысл этой фразы.

Пожал плечами и неожиданно сдался:

— Учел. Ты права.

— Эй! Так нечестно, — возмутилась я, на эмоциях взмахивая молотком. — Ты закончил такой увлекательный спор еще до его разгара.

— Я просто решил сохранить лицо, — заявил этот обломщик, окинул меня странным, нечитаемым взглядом и неожиданно предложил:

— Шарлотта, давай я провожу тебя домой.

— Не стоит, — открестилась я от прогулки в сомнительной компании. — Я благополучно доберусь сама.

— Не боишься гулять так поздно вечером одна, госпожа колдунья?

Я подняла инструмент для вразумления и сунула обратно в «дамскую сумочку».

— А чего мне бояться? — улыбнулась я, демонстративно похлопав по боку корзинки, где лежали «Страсть в пшеничном поле» и молоток. — Я вооружена и очень опасна.

Нейтон Рок не нашел, что на это можно возразить, и просто проводил меня взглядом.

— Доброй ночи, госпожа светлая колдунья, — услышала я у себя за спиной.

На этом мы и расстались...

Кто ж знал, что с появлением в городе чужаков этот самый

город окончательно свихнется!

Нейтон Рок и Теодор ля Фэй, новоиспеченный помощник госпожи Заленвах, стали сенсацией, достойной первых полос газеты. Новость о двух холостых мужчинах разного возраста распространилась среди населения со скоростью лесного пожара и особенно сильно взбудоражила слабый пол.

Незамужние, одинокие и просто любвеобильные барышни быстро смекнули, что если они не подсуеются и не возьмут все в свои хозяйственные руки, то холостые мужчины не останутся в статусе «холостой» надолго. Особенно в маленьком городе, где перспективные толковые парни с руками из положенного места и головой на плечах идут на вес золота.

Барышни полезли в гардеробные. Барышни глянули в зеркало. Барышни остались недовольны.

Вот почему мое утро началось не с кофе, а с огромной шумной очереди, выстроившейся от калитки и практически до конца улицы Поцелуев.

— Я что... все еще сплю? — не поверила я свалившемуся на нас счастью, выглядывая из-за занавески.

Белый гримуар порталом переместился на подоконник. Встал рядышком и тоже выглянул. Глаз у гримуара не было, но это не помешало ему оценить масштаб женского недовольства собственной внешностью, прикинуть, сколько на этом можно заработать, и радостно зашуршать страничками.

Увы, но я не разделяла его восторга.

Это только ведьмы знали себе цену и ничего не делали за

просто так. Добрые и светлые колдуньи, за одну из которых я сейчас себя и выдавала, предпочитали дарить добро по всей земле за спасибо. Причем иногда это действительно могли оказаться только слова благодарности, в другом случае корзина с репой или что похуже.

На прошлой неделе со мной расплатились тачкой червивых яблочек, трехлитровой банкой соленых огурцов и горшочком с неопознаваемым растением, таким чахлым и такимдохлым, словно его отдали светлой колдунье не в качестве оплаты за хорошо и качественно сделанное зелье, а умирать.

Я еще раз глянула на очередь. Улыбнулась.

— Прячь все, что есть, — решительно приказала гримуажу и метнулась в гардеробную перевоплощаться из помятой ведьмочки в добросердечную колдунью.

Через десять минут очередь на улице Поцелуев начала терять остатки терпения. Народ недовольно зыркал по сторонам, опасаясь проторчать здесь весь день. Все чаще и настойчивее начинало звучать предложение призвать колдунью с помощью метко брошенного в окно кирпича.

Ведьмы они бы побоялись, а вот колдуньи — нет. Что она им сделает? Пальчиком погрозит? Ножкой топнет? Попросит больше так не делать?

Чем дольше притворяюсь доброй, тем чаще задаюсь вопросом — как при таком добросердечно-попустительском подходе светлый ковен еще по миру не пошел?

Я глянула на свое отражение в зеркале, убедилась, что выгляжу как добрый ангел красоты, и сбежала на первый этаж. Искрой навела порядок в коридоре и заглянула в комнату, которую прошлая хозяйка светлой половины особняка отвела под лавку.

— Успел?

Гримуар вскинул белую атласную закладочку и с возмущением зашуршал страничками. Мол, обижаешь, Шарлотта! Чтобы я да не успел припрятать все наши пузырьки да банки?! Да когда ты, девочка моя, разнесла на щепочки и лоскуточки королевский зал приемов, я все ликвидировал и за меньшее время, а тут аж целых десять минут. Легкотня, одним словом.

— Отлично, — кивнула я, разглядывая пустые полки и редкие кружочки от флаконов, оставшиеся в пыли. — А теперь прячься и не высывайся до вечера!

Гримуар отсалютовал закладочкой и пропал в белой вспышке портала. Я же схватила табличку «ОТКРЫТО» и побежала встречать желающих прихорошиться магическими притирками, солями, травами и духами.

— Доброе утро, — поприветствовала я жительниц Страшилвилля, распахивая калитку. — Кто первый?

— Мы! — рванули вперед сразу две пышнотелые девицы, но не рассчитали пропускную способность калитки и самую малость застряли.

Пока они свирепо пыхтели, толкались и отталкивали друг

друга, я подцепила привязанную к ручке веревку и накинула петельку на вбитый в землю столбик. Убедилась, что калитка не закроется перед клиентами, повесила табличку и вернулась на крыльцо.

Вовремя. Девицы с горем пополам распутались, мрачно зыркнули друг на друга и наперегонки рванули вперед. Дорожка от калитки до крыльца, всегда казавшаяся мне просторной, внезапно оказалась мала для двух толкающихся соперниц. Чуйка шептала, что красные от негодования и нагрузки девицы всенепременно повторят неудачный опыт застревания, но уже в дверях. Но в этот раз чуйка подвела.

Одна из девушек ловко подставила подножку своей конкурентке и вырвалась вперед. В один прыжок взлетела на крыльцо, игнорируя лестницу как нечто несущественное. Схватила опешившую от такого напора меня за руку и буквально втащила за собой в дом.

Как говорится: ты не ты, когда нужно прихорашиваться.

— Госпожа колдунья, мне срочно нужен пузырек с похудательными каплями, — возвестила первая за этот день клиентка, едва за ней тихо щелкнула дверь.

Я моргнула, слегка шокированная прытью девушки, и встала за прилавок.

— Да, конечно, — сказала ей и открыла пухлую книгу доходов и расходов, выписку по которой обязана была сдавать в мэрию каждый первый день нового месяца. — Сейчас... надо только верно рассчитать дозировку... Сколько килограмм

вы планируете сбросить?

Все еще тяжело дыша после пробежки, девица на выданье окинула себя строгим взглядом и вопросительно уточнила:

— Сто?

Я окинула внушительную фигуру пышечки оценивающим взглядом и на всякий случай предупредила:

— Это не случится мгновенно.

— Знаю! — всплеснула пухлыми ручками клиентка, оперлась на прилавок и тихим, вкрадчивом шепотом сказала:

— И вот поэтому мне нужно два... нет, лучше три флакона с духами из коллекции «Неотразимость».

О как! Да этой палец в рот не клади. Откусит. Прожует. И попросит добавки.

Белая ведьма во мне возмущенно цокнула языком, давая понять, что не потерпит запрещенки у себя в лавке. Личина светлой колдуньи сказала:

— Конечно. — А врожденная хитрость добавила: — Ваш заказ будет готов в конце следующей недели.

— ЧЕГО?! — взревела пышнотелая девица, сигнализируя, что ждать ей не подходит. Тем более так долго. Ей нужно все немедленно, вот прямо сейчас.

ГЛАВА 8. В которой ведьма хитрит ради выгоды

— Нет, а вы чего ждали, уважаемая? — спросила я, показывая опустевшие стараниями гримуара полки шкафов, где раньше высились и громоздились флакончики. — Разбудили среди ночи, смели у меня с полок абсолютно все зелья от, для и даже после, а теперь приходите и негодуете, что приходится ждать?

— Я? Разбудила? Смела все с полок? — сделала большие глаза клиентка.

— Ну, может, и не вы... Просто фигуры похожие, — старательно изобразила я задумчивость. — Темно было, и спать хотелось жутко. Я могла не разглядеть.

Пышечка на миг задумалась, перебирая в уме предприимчивых жительниц города похожей комплекции и возмущенно выпалила:

— Вот ведь жаба крашенная! — Поймала мой вопросительный взгляд и пояснила:

— Это госпожа Терияки. Это точно она! У нее пять дочерей и внучки. Конечно, ей хочется устранить других и захватить двух холостяков. И как я сразу не догадалась?

Я пожала плечами, давая возможность клиентке самой дозреть до идеи раскошелиться и приплатить светлой колдунье

за труды ее честные. Причем не словами благодарности или червивыми паданцами, а полновесными монетами.

Возмущенно скрипнул прилавок, намекая, что не разделяет моего меркантильного посыла, а книга доходов и расходов показательно закрылась, отказываясь участвовать в предстоящем вымогательстве, позорящем светлую половину особняка на улице Поцелуев. Шкафы пока молчали. То ли еще не догадались, то ли в целом не успели приобрести индивидуальные особенности, как другая мебель на этой половине дома.

К счастью, клиентка была так погружена в сложный мыслительный процесс, что не заметила, как добрая колдунья покосилась в сторону мебели и от греха подальше отошла от всего, что могло бы ненароком ее стукнуть или свалиться.

— Госпожа колдунья, а может, есть способ ускорить какой-то процесс? — Клиентка молитвенно сложила перед собой руки. — Мне нельзя ждать до следующей недели. На следующей неделе красавчика Нейтона Рока уже не будет в городе. Я должна сработать на опережение! Сейчас. Пока у меня еще есть шансы.

— Ну... даже не знаю, — протянула я. — Нет, допустим зелье я могу сварить вам сегодня, духи будут готовы к утру, но что делать с магической посудой? Не из котелка же черпать и по чашкам разливать?

— А что! Я могу и со своей тарой прийти, — выразила готовность девушка.

— Увы, — склонила я голову в наигранной печали. — Видите ли, нужно зачарованное стекло. Иначе магия из зелья и духов выветрится в первый же час после приготовления. А вы знаете, сколько нынче стоит закаленное стекло для зелья?! — повысила я голос, распаляясь и окончательно входя в роль честной колдуньи, обиженной несправедливостью этого жестокого алчного мира. — Вот. Сами посмотрите!

На прилавок лег буклет лавки магической посуды «Котелок и Колбочка», который я не иначе как по случайности прихватила из замка. Заведение это было столичным, неприлично пафосным и только сами владельцы знали, как они умудрялись выживать в этом мире честного бизнеса с такими грабительскими ценами.

— Мало того, что поставщик озверел и охамел настолько, что задрал цены, так он еще и не гнушается брать двойную оплату за срочность. И плевать он хотел на то, что люди должны помогать друг другу бесплатно. Я трижды писала ему гневные письма, с просьбой подумать о своем поведении, а он!

— А он? — повторила за мной клиентка.

— А он меркантильное чудовище... — с пафосом закончила я свой монолог и подытожила: — К сожалению, я не могу отдать такие деньги за срочность и сделать поставку, а значит, зелье и духи будут готовы только на следующей...

— Так давайте я! — перебила пышечка, доставая из кармана юбки расшитый бисером кошелек. — Я готова запла-

тить ему вместо вас, госпожа добрая колдунья. Сколько может нужно поставщику за срочный заказ?

— Пять серебряных монет, — сказала я, пряча в уголках губ улыбку.

Щелкнула застёжка кошелька. Звякнули монеты. Стукнули о прилавок пять серебряных. Я быстрым движением руки накрыла ладонью и подтянула к себе.

— Ага, — сказала вслух, склоняясь над блокнотом. — Так и запишем... похудательные капли...

— А еще духи, — восторженно воскликнула девица. — Не забудьте про мои духи.

— ...и духи из коллекции «Неотразимость» для...

— Кармелии Блок.

Я вывела последнюю букву. Глянула на очередь за окном. Представила, что придется играть эту же сценку с поставщиком еще энное количество раз. Взгрустнула.

— Кармелия, а что если мы с вами кое о чем договоримся? Допустим, я придержу отправку заказов остальным дамам и дам вам фору в один час, а вы взамен сделаете мне одно крохотное одолжение...

— Три часа, — хитро улыбнулась госпожа Блок.

— Идет, — согласилась я, и мы ударили по рукам.

Через пару минут Кармелия Блок покинула особняк доброй колдуньи, пропустила топчущуюся конкурентку и вышла за калитку. Пышечке потребовалось где-то с полчаса, чтобы обойти всю очередь и рассказать жительницам Стра-

шилвилля о маленькой проблеме с алчным поставщиком. Кто-то из дам возмущался. Кто-то начинал судорожно искать деньги по карманам. Кто-то срочно бежал домой за монетами. И никто. Никто из всей вереницы желающих прихорошиться за счет магических средств даже и не подумал бросить все и уйти.

Я ссыпала монеты в карман и улыбнулась.

Как любил приговаривать королевский казначей:

«Не надо гоняться за деньгами. Нужно идти им навстречу».

К вечеру очередь начала редеть, а к семи часам тоненький ручеек клиенток так и вовсе обмелел и иссяк. Сняв табличку и прикрыв калитку, я вернулась в дом, тщательным образом закрыла все двери, окна, занавески и на всякий случай забаррикадировала дверь в кухню стулом.

Нет, ну а мало ли?

Я даже близко не представляю, как должны варить зелья и паковать настойки добропорядочные колдуньи. Зато в совершенстве владею ведьминской лихой наукой творить и сотворять. Будет обидно проколоться на такой мелочи.

Напевая себе под нос бойкую песенку, я разложила на кухонном столе флаконы с готовыми зельями, припрятанные гримуаром, отложила в сторону ненужные. Приготовила парочку небольших котелков и ингредиенты. Выставила на стол пустые магические флаконы, коих на самом деле в

подвале особняка хранилось про запас аж пять коробок, и занялась любимым делом.

Работа, даже самая тяжелая, приносит невероятное удовольствие и приятную усталость, когда делаешь ее в творческом угаре, а рядом сидит твой верный гримуар и пересчитывает заработанные за день монеты.

— Всегда бы так... — мечтательно вздохнула я, наслаждаясь мелодичным позвякиванием наличности, точно опытный музыкант завораживающей партией оперной дивы.

Гримуар согласно взмахнул атласной закладочкой. Уложил последнюю монету на самый верх высокого столбика и пододвинул к десятку других таких же. Секунду любовался получившейся конструкцией, а после не выдержал и с радостным шелестом страничек бережно обнял всю эту гору серебра и меди белой обложкой.

Подавив рвущуюся улыбку, я закончила выводить слово «Неотразимость» и наклеила этикетку на флакончик с духами для Кармелии. Естественно внутри плескалась не светлая запрещенка, а зелье моего собственного изобретения.

Принцип действия у них похожий. Цвет и запах тоже. А вот магическая составляющая нет. Светлые использовали колдовство, которое воздействовало на мозговые центры противоположного пола и делало их, мягко скажем, тупыми самцами, готовыми на все ради очаровательной самочки напротив. Я же брала за основу компонент, который помогал раскрывать харизму, природное обаяние. Причем действо-

вал он не на противоположный пол, а на человека, который побрызгался этими самыми духами.

— Этот готов, — вслух сказала я, упаковывая флаконы с духами и похудательные капли в бумажный пакетик.

С магического перстня сорвалась белая искра. Покружила над пакетом, набираясь с духом и отращивая большие и яркие крылья. Ослепительно сверкнула напоследок и через печную трубу унеслась к Кармелии Блок.

Я честно выждала обещанные пышечке часы форы и начала отправлять других светлячков с доставкой. Провозилась с этим делом до глубокой ночи. Мой верный гримуар все это время лежал на куче серебра и меди, как самый настоящий дракон на злате, и тихонько похрапывал.

В четыре утра у меня закончились силы, иссякла бодрость и живительный кофе в чашке. Из плюсов — заказы тоже подошли к концу. Наколдовав последнего светляка и вручив курьеру оставшийся пакетик, я широко зевнула и побрела на второй этаж.

Тихо скрипнули под ногами ступеньки, негромко пропела не смазанными петлями дверь, мягко спружинил под усталой ведьмой матрац. Упав лицом в подушку, я с закрытыми глазами стащила с себя платье, завернулась в одеяло и приготовилась мгновенно уплыть в пространство сонной неги.

Но коварная мебель, оставшаяся от прежней хозяйки, посчитала, что настал ее час. Час сатисфакции за темную магию в стенах светлой половины дома.

Старенькая металлическая кровать воспользовалась беззащитностью белой ведьмочки. Медленно, так чтобы никто не понял, оттянула свое пружинное дно до самого пола и... резко отпустила.

— Какого демона?! — возопила я на весь дом, подлетая на добрых полметра вверх.

ГЛАВА 9. В которой ведьма не спит и сталкивается со скандалом

Остаток ночи я ругалась, шипела и воевала с мебелью в спальне. Мебель платила мне той же монетой, находя все новые и новые способы подгадить. Стоило ударить белой искрой в кого-то одного и вывести его из операция «Месть ведьме», как в дело включался кто-то другой.

То одеяло внезапно оживет и запеленает в лучших традициях голодного удава. То подушка непостижимым образом станет горячее с обеих сторон, а после сомнет наполнитель так, что он покажется камнем. То тумбочка с душераздирающим «шкря-а-а-а» начнет выдвигать и задвигать обратно верхний ящик. То матрац проявит чудеса гибкости и сложится пополам, зажав меня внутри на манер сосиски в хот-доге.

Все это время белый гримуар дрых на кухне на горке из монет и очень удивился, когда его разбудила злая, несчастная и совершенно не выспавшаяся я.

— Как мне приструнить этот демонов дом с его мебелью?!

Гримуар потянулся. Выгнул обложку. Трепыхнул закладочкой.

— А поживее можно? — сказала я и выразительно дернула глазом.

Не знаю, что из этого произвело на гримуар большой эф-

фект, но он послушно раскрылся на середине и краешком атласной закладочки ткнул в небольшой абзац на левой странице.

— «Одержимая мебель: создание, контроль и упокоение», — вслух прочитала я заголовок и восторжествовала. — Упокоение. То что нам и надо.

Гримуар моего торжества не разделил. Ткнул все тем же краешком закладочки в пункт с инструкцией. Я пробежалась глазами по строчкам, удивленно вскинула бровь при упоминании петуха для жертвоприношения, поморщилась на ритуальном круге, выложенном из крысиных трупиков. Оценила размах предстоящего. Вздохнула.

— Ладно, — буркнула себе под нос. — Пусть живут. Что по поводу контроля?

Гримуар послушно перевернул страничку и указал в нужную графу. Меня немного напрягла его покладистость и готовность делиться знаниями. А стоило вчитаться в перечень всего того, что требовалось сделать ведьме для этого самого подчинения и контроля, как причина быть душкой стала ясна.

Для заклинания контроля над одержимой мебелью требовалось столько всего, что проще сразу послать весточку королевским ищейкам и сесть на крыльце с плакатом «Я тут!».

Из интереса я все-таки дочитала список требований к ритуалу до конца и окончательно озверела на последнем: «Ведьма должна голодать три дня».

— Ну знаете ли! — психанула я. — Посплю на полу.

Гримуар одобрительно махнул закладкой, шелестнул страничками и как был в раскрытом виде, так и перевернулся инструкцией вниз. Повозился немного, подгребая под сгиб побольше монеток, и с тихим облегченным вздохом затих.

Я попыталась повторить его маневр. То есть ушла из кухни в поисках вещей, привезенных с собой и не зараженных одержимостью. Таких оказалось не то чтобы и много: толстое покрывало, прихваченное из королевской спальни, крохотная декоративная подушечка (купила в порыве сорочьей любви к блестяшкам в местном магазинчике пару дней назад) и плотный банный халат.

Подниматься обратно в спальню остереглась и выбрала место для ночлега в гостиной, где был только минимум из парочки картин, журнального столика и дивана в углу. Уговаривая себя, что спать на твердом полезно, я легла на сложенное вдвое одеяло, сунула под голову подушку и прикрыла ноги халатом. Но едва смежила веки, как сквозь открытое по случаю жары окно долетело истошное:

— Госпожа колдунья! Госпожа колдунья!!! Да сколько же можно спать? Госпожа Вайт, немедленно откройте!

Рука конвульсивно дернулась. Перстень на пальце нагрелся. Глаза распахнулись.

— Прокляну, — мрачно пообещала я люстре на потолке, но вопреки своим же словам встала и побрела умываться.

Это утро вновь началось не с кофе.

И даже не с очереди охотниц за холостяками.

Это утро началось со скандала.

— Таки-таки, — сказала госпожа Теряки.

И не просто сказала, но и подкрепила свой вербальный гнев невербальной демонстрацией силы. То есть уперла кулаки в бока, выпятила грудь и выдвинула вперед крохотный подбородок, став до ужаса похожей на маленькую злобную шавку. И вот эта самая маленькая тьякалка набрала в легкие воздуха и накинулась на меня с пассивной агрессией.

— Госпожа Вайт, вы не подскажите, почему весь город уверен, что я ворвалась к вам среди ночи и скупилла все зелья в лавке?

— Понятия не имею, — честно ответила я.

Еще бы ее устроил такой ответ. Ибо дальше началось настоящее представление. Представление одного конкретного характера во всей его омерзительной красе.

Госпожа Теряки кричала на всю улицу Поцелуев, топала ногами и грозила написать на меня жалобу мэру (за клевету) и в светлый ковен (просто так, из чувства справедливости и мести). Сыпала проклятиями не хуже деревенских ведьм и другими исключительно мощными, но крайне неприличными словечками в мой адрес.

Толпа женщин всех возрастов безмолвно внимала ей и любовалась этим зрелищем. Немногочисленные соседи прильнули к окнам, а старичок, что жил в конце улицы, уже де-

сять минут делал вид, что любителюся кованой оградкой.

Сжав зубы, я стояла на пороге дома и молча сносила все угрозы в свой адрес. Ежесекундно напоминала себе, что проклинать скандалистку категорически нельзя. Даже если очень-очень хочется. Даже если уже перстень нагрелся. Даже если на языке само собой сложилось заклинание. Что вокруг люди, а я все еще в образе светлой колдуньи, а им по регламенту светлого ковена нельзя отвечать на подобные провокации. Что с минуты на минуту эта маленькая истерика сойдет на нет и...

И я таки сорвалась.

— А знаете что, госпожа Терияки? — перебила я женщину.

— Что?

— Бегите.

Это был искренний совет спастись, которым ведьмы разбрасывались не часто. Но то ли я так хорошо вошла в образ светлой колдуньи, не способной на отпор, то ли госпожа Терияки была от природы глуха к подобного рода предостережениям. Госпожа скандалистка и нервомотательница растеряннo моргнула, оглянулась по сторонам и спросила:

— Куда?

— В мэрию. Жалобу писать, — решительно смягчила я маршрут следования, хотя послать хотелось в разы дальше, и не сдержала насмешки. — А то госпожа Заленвах уйдет по делам и не подпишет вашу клязу.

— Да как?.. — задохнулась от возмущения госпожа Терияки. Несколько раз открыла и закрыла рот, аки выброшенный на берег карась, и наконец созрела до более-менее членораздельного: — Да что ты себе позволяешь, пигалица!

Я улыбнулась. Широко и предвкушающе. Так широко и настолько предвкушающе, что будь поблизости демоны — и те попряталась бы в нижнем мире. Очередь сделала шаг назад, бессознательно опасаясь разгневанной ведьмы, старичок встрепенулся и продолжил путь, а соседи попрятались. И только госпожа Терияки осталась стоять на месте, упрямо сверля меня полным ненависти взглядом.

— Не пигалица, а госпожа Вайт, — веско и спокойно напомнила я, перешедшей всякие границы бабе. — Единственная на весь город светлая колдунья. Колдунья, которой вы мешаете начать рабочий день.

Госпожа Терияки отскочила от меня, дернулась всем телом. Лицо ее при этом исказилось еще сильнее, а в глазах появилось замешанное на страхе бахвальство.

— Я так это не оставлю! Я не только до мэра, да я до... Я до столицы дойду! Вы еще узнаете, госпожа светлая колдунья! — пообещала хабалка, развернулась и помчалась прочь.

Мы с очередью проводили ее взглядом, после чего уставились друг на друга.

— Доброе утро, госпожа Вайт. Я пришла сегодня первой, — помахала из первых рядов Реджина Болл.

Словами не описать, как сильно мне захотелось сбежать в

особняк, забаррикадировать двери и сидеть вот так до вечера, игнорируя требовательное «Госпожа колдунья, а как же моя грудь?».

Фраза «Сегодня у светлой колдуньи выходной» уже почти слетела с моих губ, как вдруг по улице прокатилось громкое и пугающе-счастливое:

— Госпожа колдунья!!! Стойте! Подождите!!!

Приподняв одну бровь, я сделала шаг в сторону и увидела нечто потрясающее.

Презрев все правила безопасности, по улице Поцелуев вприпрыжку бежала потрясающе бодрая для столь раннего утра Кармелия Блок собственной незабываемой персоной. На голове творческий беспорядок, на лице широкая улыбка. В одной руке пышечки была зажата маленькая рыжая псинка, в другой — колбасный букет.

— Получилось, госпожа колдунья, — кричала Кармелия, размахивая букетом. — Он мой!

Любопытный старичок вновь притормозил и замер, наблюдая за тем, как несется счастливая женщина. Очередь возмущенно зашепталась. Соседи не просто прильнули, а едва не выпали из окон. И только я судорожно сглотнула, лихорадочно соображая, кого конкретно из двух холостяков сумела впечатлить госпожа Блок.

Нейтона Рока или Теодора ле Фэй?

ГЛАВА 10. В которой ведьма оказалась первоклассной свахой

С видом чемпиона на последних десяти метрах перед заветной финишной лентой, Камелия пробежала мимо очереди одиноких девиц всех возрастов, затормозила передо мной и вытянула вперед руку с зажатой в ней псинкой.

— Вот!.. — выпалила красная пышечка, старательно пытаясь отдышаться после короткого, но крайне эмоционального забега по улице Поцелуев.

Мы с рыжим песелем в ужасе уставились друг на друга, опасаясь услышать напрашивающееся после громогласного «вот!» продолжение «теперь он ваш, госпожа светлая колдунья».

И знаете что? Впервые оплата трехлитровыми банками с соленьями и червивыми паданцами не показалась мне такой уж плохой.

— Что это... — хриплым от шока голосом начала я, но вовремя вспомнила, что светлые колдуньи так с клиентами не разговаривают и вообще ценят любой искренний дар в качестве оплаты за труды свои (тем более что пять монет уже надежно подгрел под себя белый гримуар).

Я кашлянула и поспешила исправиться. Изобразила на лице улыбку, наклонилась к подарку и дурным голосом за-

сюсюкала:

— Кто это такой рыженький и пушистый? У кого носик-кнопочка? У кого глазки-бусинки?

Несчастный песель выпучил эти самые «бусинки», в которых плескалась животная паника, и в ужасе задержал конечностями, пытаясь удрать от перспективы стать домашним питомцем ведьмы.

— Это Шайтан! Мне его мой масик подарил, — с гордостью объявила Кармелия Блок, прижала к груди псинку и отечески чмокнула в макушку.

Сказать, что у меня отлегло от сердца, — все равно, что обозвать ведьминский шабаш тихим чаепитием. Я шумно выдохнула и была одарена колбасным букетом.

— Держите, госпожа светлая колдунья, это вам за ваши чудо-средства, — торжественно объявила радостная Камелия, после чего порывисто обняла.

На секунду в ее мощном захвате оказался букет, псинка и я. Продуктовый букет при этом контакте не выказал восторга. Торчащая в самом центре палка сырокопченной надломилась посередине и повисла, распространяя умопомрачительные ароматы. Я сглотнула. Песель облизнулся и сделал попытку оттяпать себе маленький кусочек счастья, но тут объятья распались.

«Клац!» — Маленькие зубки Шайтана вхолостую щелкнули в воздухе.

— Светлые боги, как я благодарна вам, госпожа Вайт, вы

бы знали! — фонтанировала счастьем пышечка. — Если бы не вы, мы бы с масиком никогда не встретились бы в той подворотне...

Прижав к груди букет, я с удивлением слушала невероятную историю ночных приключений Кармелии Блок. И чем дольше слушала, тем ниже опускалась челюсть.

Оказалось, что те три часа форы, данные мной в обмен на... скажем так, просветительские услуги очереди, Кармелия решила использовать с умом. Она заранее приготовила все самое соблазнительное в своем гардеробе, накинула плащ, вооружилась веревкой (на всякий случай) и воспользовалась девизом «Нет лучше способа затащить в храм холостяка, чем скомпрометировать его на взрослый поступок».

Верная своим идеям, Кармелия с трудом дождалась магического светляка с пакетом, отложила похудательные капли в ящик стола, от души поппшикала духами и вся такая прекрасная и благоухающая вышла из отчего дома.

Теодор на правах мэрского помощника остановился в служебной квартире, неподалеку от дома госпожи Заленвах. И его, тщедушного и невезучего, госпожа Блок оставила в качестве запасного варианта, сперва нацелившись на рыбку покрупнее, то есть на фамилию Рок.

Выяснить, где остановился пришлый в таком крохотном городке, как Страшилвилль, где каждый приходился другому далеким родственником или соседом по песочнице, не составило особого труда. Кармелия дошла до единственной

гостиницы, обогнула здание и планировала шмыгнуть через черный ход, как внезапно услышала поскуливание.

Разрываясь между жалостью и жадной охотой оказаться в храме под руку с Нейтоном Роком, пышечка немного постояла впотьмах, но тут из подворотни раздался шум и смачное мужское ругательство. Отринув мысли о замужестве, пышечка бросилась в темноту, желая хорошенько накостылять незримому живодеру.

— ...и представляете, госпожа Вайт, я забегаю в подворотню, а там мой масик!!!

— Кто-кто? — уточнили из очереди, жадно внимающей рассказу.

— Ну, масик! — повторила счастливая Кармелия и снизошла до объяснений: — Пол Гройз.

— Кто-кто? — настал уже мой черед недоумевать, ибо другие дамы точно знали, о ком идет речь.

Выяснилось, что Пол Гройз был наследником маленького семейного дела. Гройзы владели несколькими полями за городом, где выращивали растительные красители, которые после продавали на ткацкие фабрики. Кармелия и Пол встретились еще в школе, вместе росли, гуляли и грызли гранит науки. Они никогда не питали друг к другу симпатии, к тому же Пол Гройз стал разменной монетой для выгодного союза двух семей и скоростыжно женился.

Жена была сварлива, гневлива и к тому же старше Пола, которому только-только стукнуло девятнадцать, на добрых

двадцать лет, поэтому Пол Гройз не сильно расстроился из-за ее внезапной кончины. Выждал положенные дни траура и пошел отмечать свою свободу бутылочкой крепкого вина в ближайшем питейном заведении, но по пути услышал жалобное поскуливание.

Свернув в закоулок, он обнаружил брошенную возле баков с мусором рыжую собаку.

— Вот ведь уроды! — вслух подумал мужчина о тех нерадивых хозяевах, что вот так вот выкидывают домашних питомцев на улицу, присел на корточки и протянул руку к псу.

Рыжий песель струхнул, дернулся. Натянутый поводок дернулся вместе с ним, по пути перевернув сваленный в кучу хлам. Мужчина экспрессивно ругнулся, поймал пса за ошейник и достал нож, чтобы перерезать веревку. И тут на него налетела разгневанная Кармелия.

Сперва они поругались, после начали выяснять, кто из них более достоин стать хозяином несчастного брошенки. Никто не хотел уступать другому право. Спор набирал обороты. Искры летели во все стороны. Кто и в какой момент сделал первый шаг и почему вообще они начали целоваться, Кармелия так и не вспомнила. Умолчала она и о том, как эти двое воспользовались черным входом в гостиницу. И как провели эту ночь.

А вот бурный восторг и слова благодарности держать в себе не стала.

— Спасибо-спасибо-спасибо! — тараторила она, улыба-

ясь так широко, что сводило скулы. — Жду вас на свадьбу в эти выходные, госпожа Вайт. И не вздумайте отказываться!

— Уже? — изумилась я.

— А чего откладывать? — засмеялась Кармелия, развернулась к толпе завистливых женщин и помахала рукой. — Удачи вам, девочки!

Будущая госпожа Гройз заспешила по своим делам. Рыжий Шайтан у нее на руках тявкнул на прощание. Я проводила парочку ошеломленным взглядом и почувствовала на себе с десятков тяжелых взглядов — очередь предвкушающе смотрела на одну маленькую меня, точно клубок голодных змей на бесстрашного мышонка.

Особенно выразительно смотрела Реджина, дочка пекаря, и чуйка шептала, что эта настырная девица сделает все, но таки добьется вожделенной груди неприличного размера.

— Десять минут, дамы, — криво улыбнулась я. — Мне надо подготовиться к наплыву.

Дамы возмущенно загалдели, точно чайки на берегу, всем видом давая понять, что даже десять минут в охоте на холостых мужчин могут стать решающими, но я поспешно отвернулась и практически нос к носу столкнулась с госпожой Флау.

Гортензия, одна из участниц нашего маленького женского клуба любительниц чтения, стояла у забора, с любопытством поглядывала на очередь и методично обмахивала морщинистое лицо пестрым веером.

— Госпожа Флау?! Признаться, я крайне удивлена встретив вас здесь. Неужели тоже решили потряхнуть стариной и поучаствовать в коллективном безумии?

Гортензия отмахнулась от этого предположения с таким беспечным благодушием, которым может обладать только человек, который за свою жизнь разбил и покалечил не одно мужское сердце. А после сожрал мозг дорогого мужчины серебряной десертной ложечкой и остался сыт на всю жизнь.

— Что вы, Шарлотта. Я уже давно не играю в подобные игры. Меня к вам направили Нина и Дина. Подружки просили напомнить, что мы ждём вас в субботу вечером.

— Ах да! Этот ваш нашумевший «Злодей для моего романа»... — вспомнила я о договоренностях.

Глянула на очередь, подумала было сослаться на крайнюю занятость, которая никак не рассосется к субботе. Посмотрела на Гортензию. Вспомнила вчерашний аврал и бессонную ночь, проведенную в тщетных попытках поставить светлую мебель на место. Организм напомнил, что еще даже не принял ежедневный допинг в виде кофе, и в голове сам собой родился гениальный план.

— Гортензия, а как вы смотрите на то, чтобы стать моей помощницей?

Женщина хмыкнула, наклонилась и шепотом уточнила:

— А я могу в процессе сплетничать, учить жизни, стыдить и аккуратненько язвить?

Что я могла ей ответить? Только разве что:

— Отрывайтесь на полную.

Очередь вздрогнула. Госпожа Флау растянула губы в хитрой улыбке.

ГЛАВА 11. В которой ведьма наводит порядок на светлой половине

Нанять госпожу Флау на роль своей помощницы оказалось лучшим решением из всех, что я когда-либо принимала.

С помощью белой искры и бранного слова я вытащила из дома журнальный столик, установила его на крыльце и усадила госпожу Флау принимать заказы. Очередь пыталась негодовать и возмущаться, настаивая на личном общении со светлой колдуньей, но я мрачно поинтересовалась, кто будет стряпать им омолаживающие притирки, и желающие поболтать наедине предусмотрительно замолкли.

Гортензия тем временем устроилась на стуле, вооружилась блокнотом, ручкой и начала прием.

— Живее, девочки, я не планирую торчать тут до вечера, — подбадривала она дам. — Подошла, спросила, назвалась, оплатила. Что тут сложного? Госпожа Мурсли, не надо толкаться... Госпожа Бреника, побойтесь богов, в вашем возрасте уже пора бегать на исповеди, а не на свиданья... Госпожа Корн, а господин Корн в курсе, что вы включились в охоту на красавчика? Ах, это вы ради мужа... Конечно-конечно. Охотно верю.

Открыв нараспашку одно из окон, чтобы худо-бедно контролировать происходящее на улице, я оглядела кухню и села завтракать. Точнее, попыталась, ибо одержимая мебель продолжала свой молчаливый бунт. Холодильный ларь не иначе как вспомнил, что у него в роду был титановый сейф, и отказался отдавать спрятанную в нем еду. Плита не грела чайник от слова «совсем», а вода в кране стала подозрительно мутной. Хлеб из хлебницы тоже куда-то пропал, а вот чашки наоборот обзавелись странными отпечатками губной помады самых неожиданных оттенков.

— Ладно, — прорычала я, поняв, что осталась не только без сна, но и без завтрака. — Война — значит война!

Метнувшись наверх, разбудила белый гримуар. Еще разок изучила нужный раздел и долго листала пожелтевшие от времени странички, в поисках чего-то, что не поднимет на уши светлый ковен, но в тоже время лишит мебель на светлой половине особняка ее гребаной индивидуальности.

И наконец удача мне улыбнулась.

— Ага. Вот оно! — воскликнула я, находя заклинание ста-зиса.

Ведьмы прошлого использовали его исключительно в благородных целях, то есть тогда, когда им было необходимо усыпить или на время обездвижить дракона. К счастью для драконов, они давно вымерли. К печали мебели, я знала, что нужно исправить в этой формуле, чтобы погрузить в спокойствие не только свою половину, но и весь дом в целом.

Окрыленная найденной идеей, я схватила маленький котелок, ножницы и выскочила на улицу. На глазах изумленной очереди метнулась в заросли крапивы, что колосились в углу забора. Смачно ругнувшись, выдрала самый пышный кустик, вернулась к калитке и громко поинтересовалась:

— Кто будет так щедр, что пожертвует мне маленькую прядь с секущимися кончиками?

Очередь воззрилась на меня в священной ужасе.

— Ну же, дамы! Это волосы, а не кровь!

Но дамы продолжали робко топтаться на месте и с подозрением коситься на зажатую в моей руке крапиву.

— А вам зачем, госпожа светлая колдунья? — робко поинтересовалась одна из девушек.

— Масочку для волос варить буду, — соврала я, цепким взглядом оглядывая чужие прически. — Нужен образец для теста.

После таких обещаний количество желающих пожертвовать прядь во имя процветания индустрии красоты сдвинулось с отметки ноль. Вперед вышли аж четыре девушки и едва не подрались за право стать той самой, что поспособствовала госпоже колдунье в ее нелегком деле поиска и изготовления самых действенных средств для преображения.

Придирчиво пощупав и оценив качество волос всех четверых, я остановилась на блондинке, отхватила прядь в десять сантиметров и, пылко поклявшись, что королевство ее не забудет, умчалась обратно в особняк.

— А теперь держитесь, — мрачно пообещала я, закатав рукава, и принялась за дело.

В котелок упала порубленная на части крапива, капелька моей крови, прядка чужих волос и дохлая муха. В идеале ко всему этому еще стоит добавить слезы ежика и грамм лошадиной печени, но я решила опустить подобные мелочи.

Сомневаюсь, что в великое время Последней магической битвы ведьмы заставляли ежей грустить и бегали с весами, чтобы на ходу отмерить грамм лошадиной печенки.

Гримуар наблюдал за всеми приготовлениями с почти-тельного расстояния, но не комментировал, из чего я сделала вывод, что все делаю правильно.

Вывод оказался в корне неверным.

Но узнала я это, лишь когда зелье в котелке внезапно подлетело и с оглушительным «БАБАХ!» взорвалось.

Волна магии прокатилась по комнатам, сметая все на своем пути. Мебель зашумела, забеспокоилась, а колченогий табурет так и вовсе попытался спастись бегством, но не успел. Всего секунда — и на светлой половине особняка повисло многозначительное молчание и едкий дым. Подозреваю, что на темной половине дела обстояли не лучше, но там по крайней мере никто не жил.

Судорожно кашляя и прижимая рукав платья ко рту, я рванула к окну и распахнула створки, чтобы поскорее глотнуть свежего воздуха. По уму надо было выбрать то, что выходило во двор, но я выбрала ближайшее и оказалась в цен-

тре всеобщего внимания.

Не то чтобы это было в новинку, но так много раз подряд за одно утро — это уже перебор даже для такой оторвы, как я.

Очередь из чинной линеечки перестроилась в любопытную толпу, которая сгрудилась возле калитки и заинтересованно таращилась на окно, из которого высовывалась задыхающаяся от кашля светлая колдунья и валил густой черным дым. На дорожке перед домом стояла Гортензия, спустившаяся с крыльца.

— Шарлотта, у вас там все в порядке? — осведомилась она тоном «девочка моя, ну разве так можно».

Не в силах выдавить из легких ничего, кроме судорожного кашля, я махнула рукой. Мол, не переживайте, клиенты дорогие, просто небольшой незапланированный «сюрприз» на производстве масочки для волос. Сейчас ваша госпожа ведьма, то есть колдунья, немного подышит, проветрит помещение и вновь возьмется за работу.

Но тут одна из клиенток внезапно ахнула. Дернула стоящую рядом подругу за руку и ткнула куда-то вбок. Я инстинктивно глянула туда же и очень пожалела, что не могу проклинать в открытую.

К дому спешили и спотыкались те самые холостяки, на которых открыли охоту собравшиеся у калитки дамы. При чем Нейтон Рок именно что спешил, а Теодор ля Фэй все больше спотыкался.

И если мэрский помощник этим утром был изрядно помят и всклокочен, то господин Рок словно сошел со страниц любовного романа. Со вкусом одетый, выбритый, излучающий ауру непрошибаемого спокойствия и самоуверенности. Половина дам моментально поплыла, оставшаяся — принялась строить глазки и трепетать ресничками. Даже меня вид высокого брюнета слегка пронял, а ведь я терпеть ненавижу брюнетов.

А самое прискорбное заключалось в том, что спешили эти двое непосредственно к нам.

Да что за утро такое?! То скандал, то чужая свадьба, то взрыв, то красавчики нагрянут.

И вот чего им приспичило гулять здесь, на улице Поцелуев? Не нашли места получше? Сейчас же всех моих клиентов распугают, как я потом их соберу обратно в очередь?!

— Мы слышали взрыв! Госпожа колдунья, что случилось? — еще издалека крикнул весь из себя такой деловой мэрский помощник.

— Все хорошо... Кхе-кхе, — поспешила я успокоить взволнованную общественность. — Зелье слегка перегрелось. Бывает!

Теодор кивнул, полностью удовлетворившись данным ответом, а вот господин Рок отчего-то не пожелал верить в чистоту помыслов и искренность слов доброй колдуньи. Он остановился рядом с забором, с подозрительным прищуром оглядел дом, поднял голову к моему окошку и неожиданно

уточнил:

— Помощь нужна?

Еще как нужна! И самой лучшей помощью мне и моему страдающему бизнесу будет то, что вы как можно быстрее свалите отсюда, господин восхитительный брюнет с мерзкой привычкой затыкать дамам рот ладонью.

— Не переживайте, — вымучила я кривую улыбку. — Проветрить дом я и сама в состоянии.

И в доказательство этой самой самостоятельности подняла руку.

Перстень на пальце нагрелся. С его массивного ободка слетела проворная светлая искорка и шустрым мотыльком заметалась по особняку, распахивая настежь окна во всех помещениях.

То ли это недосып так повлиял, то ли женская натура, воспитанная на любовных романах, так сильно впечатлилась брюнетом, но магии я не пожалела. Как это поняла? Да просто. Окна и даже дверь распахнулись не только на светлой половине особняка, но и на темной.

Высунувшись из окна по пояс, я сперва обалдело глянула на соседнюю часть, которая мне не принадлежала, а после шустренько взяла себя в руки и гордо выпрямила спину.

— Видите, господин Рок, — сказала я, широким жестом показывая на темную половину.

— Вижу, — веско уронил мужчина и на секунду мне показалось, что черты его лица стали хищническими.

Словно большой зверь заметил в кустах аппетитную лань, беззаботно пощипывающую травку, и теперь лениво решал — обедать сейчас или пусть эта бестолочь сперва сама подкрепится.

Я нахмурилась, ибо где это видано, чтобы на порядочную ведьму вот так вот смотрели. А еще в голову закралась какая-то настойчивая мысль, но прежде чем она успела сформироваться в нечто осознанное, в этот междусобойчик вмешались.

— Госпожа колдунья, извините, я не знал, что у вас такая очередь, — подал голос Теодор, робко кося на девиц, едва не пищащих от восторга при виде двух симпатичных холостяков. — Госпожа Заленвах послала меня к вам за средством от мигрени.

Я покосилась на очередь, которая сейчас больше всего напоминала обалдевших кур, впервые увидевших петуха в курятнике. Поняла, что возражать и сопротивляться из них никто не будет. Вздохнула и махнула рукой.

— Поднимайтесь на крыльцо. Я сейчас.

ГЛАВА 12. В которой ведьма узнает все самые свежие новости

Мужчины кивнули и двинулись в сторону калитки. Я же нырнула обратно в дом и пришла в ужас.

— Вот блин!

Часть стены и даже потолок закоптились и приобрели пикантно-подгорелый оттенок с ноткой гари. Люстру, мебель и пол покрывал ровный слой серого пепла. Но самое ужасное, что в центре всего этого безобразия сидел злой, как полчище демонов, гримуар.

— Ой, — выпалила я, с ужасом и капелькой раскаяния глядя на пострадавшего друга.

Белая обложка утратила даже намек на этот цвет и стала серой. Между страничек залегли пыль и пепел, а атласная закладка рассерженной гадюкой кружила и извивалась в воздухе, выдавая крайнюю степень бешенства, в которую впал мой магический помощник.

Не в силах больше сдерживаться, гримуар подскочил на месте, прыгнул в портал и вывалился мне прямо в руки. Страницы возмущенно шелестели, закладка хлестала воздух, корешок раскалился настолько, что рукам стало жарко.

— Тише, тише, — попросила я, кончиками пальцев поглаживая обложку. — Ничего страшного не случилось. Про-

трем тебя тряпочкой, и засияешь как прежде.

«Шарлотта, ты совсем дура, да?» — всхлипнул бумажный обиженка, вырвался из моих рук и переместился на одну из полок стеллажа, где развернулся ко мне задом и показательно замер.

И мне бы подойти, утешить, сказать, что не хотела и сильно-сильно раскаиваюсь, но внизу гомонила толпа клиентов, а в дом с минуты на минуту должны были подняться Нейтон и Теодор. И все как-то наложилось друг на друга. И так не вовремя, что...

Да, я тоже малость психанула.

— Ладно, сиди тут и дуйся, но помни: ты мог меня остановить и предупредить, что ничем хорошим это не кончится, но предпочел сидеть, злорадствовать и ждать, когда я обложаясь, значит ты сам виноват!

Гримуар от такого заявления едва не свалился с полки. Вскочил на обложку, поднял в воздух закладочку и, судя по всему, приготовился через пантомиму доказывать мне обратное, но я оказалась проворнее и выскочила из комнаты до того, как в ней разгорелся нешуточный скандал.

Сбежав по лестнице, вышла на крыльцо, мельком глянула в сторону Нейтона и Теодора, прорывающихся сквозь кордон из женщин, и обалдела.

— Господин Рок, у вас такая необычная фамилия. А еще глаза... И руки! О, светлые боги, какие накаченные у вас руки! — восхищалась одна, хватая Нейтона под локоток и с

обожанием поглаживая бицепс.

— Господин Рок, я слышала, что вы остановились в гостинице, — напирала другая. — К счастью, в моем доме есть свободная спальня с очень широкой и удобной кроватью. Как вы смотрите на то, чтобы прийти ко мне на ужин и увидеть все воочию?

— Отрицательно. Меня вполне устраивает мой номер, — вежливо, но непреклонно отвечал брюнет, высвобождаясь из захвата и продолжая медленное, но верное продвижение сквозь толпу.

Но если у господина Рока получалось ставить на место упрямых дам, то Теодор ля Фэй стоял в самой гуще, аки монашка среди разбойников с большой дороги. Откровенно трусил перед напором противоположного пола и позволял им хватать себя за руки, вешаться на шею и делать двусмысленные предложения.

— Ты глянь чего творят, — прокомментировала все это массовое помешательство до неприличия довольная Гортензия, обмахивая себя веером.

Пока я озадаченно соображала, стоит ли спасать застрявшего в толпе Теодора, Нейтон Рок умудрился вежливо отшить последнюю претендентку на его неокольцованный безымянный палец и поднялся на крыльцо.

— Рад вас видеть, Шарлотта, — вполне себе искренне улыбнулся брюнет.

— Мы перешли на ты? — не менее искренне удивилась я.

— Темнота сближает, — подмигнул Нейтон, а я вспомнила наши прятки от Реджины Болл и тихо фыркнула от смеха.

— Кстати, Шарлотта, — сказал брюнет, слегка наклоняясь ко мне так, чтобы не слышала Гортензия. — На меня не действуют все ваши женские штучки, в том числе магические и колдовские чары, изменяющие внешность.

Я развернулась к нему всем корпусом и от всего сердца возмутилась:

— Как это не действуют?!

— Особенности рода по отцовской линии. Я вижу все манипуляции с внешностью, начиная от хирургического вмешательства и заканчивая самыми сложными иллюзиями. Так что у этих дам не получится обмануть меня с помощью ваших средств.

Ишь какой! Не действует на него.

Хотела бы я знать, что это за особенность такая. Точнее даже, аномалия в роду. Но сейчас обеспокоена более приземленным:

— Ты ведь не расскажешь это моим клиенткам?

Нейтон выдержал долгую, тревожную паузу и доверительно шепнул:

— Я слишком люблю и ценю свою жизнь, чтобы скоропостижно закончить ее ссорой с белой колдуньей.

Облегченно выдохнув, я подавила сиюминутный порыв обнять такого понимающего, такого здравомыслящего, такого...

Так, минуточку!

Белой? Он сказал «белой», а не «светлой»? Или мне показалось?!

— Дамы! — внезапно пискнул мэрский помощник, когда одна особенно дерзкая дамочка умудрилась ущипнуть смущенного парня за крепкую ягодицу.

— Шарлотта, — окликнула меня госпожа Флау, вззирающая на все это безобразие. — Поверьте опыту, еще пара минут — и здесь начнется очень некрасивая драка за мужчину.

Я глянула на толпу с красным от смущения Теодором и поняла: пора спасать.

Магический перстень на пальце не просто нагрелся, а обжег кожу. Рой белых искорок слетел с моей руки и устремился в толпу, поражая клиенток и заставляя цепенеть. Со стороны казалось, что я решила сыграть с клиентками в детскую игру «морская фигура на месте замри». Двигаться мог только Теодор, озирающийся по сторонам с видом обескураженного суслика.

— Все в дом! — крикнула я, указывая на открытую настежь дверь.

Нейтон Рок принял приглашение с такой готовностью, словно только и ждал шанса проникнуть на светлую половину особняка на улице Поцелуев. Гортензия оценила взгляды скульптур, что-то прикинула в уме и сочла более безопасным оказаться чуть дальше от разгневанных дам, поэтому тоже метнулась в дом.

Колебался только мэрский помощник.

— Быстрее, господин ля Фэй, пока они не опомнились!

— не выдержала я.

Теодор наконец опомнился и включил здравый смысл, а не то, чем он там думал, находясь в центре внимания представительниц слабого пола.

Вывавшись из загребущих рук охотниц за холостяками, он добежал до крыльца и прошмыгнул внутрь дома. Я же успела повесить табличку «Не беспокоить» и захлопнуть дверь до того, как замершие дамы очнулись и в голос начали возмущаться.

— Эти женщины сошли с ума, — пожаловался Теодор, но, честно-то говоря, не слишком искренне.

Нейтон Рок так вообще предпочел многозначительно искривить губы в подобии улыбки и с интересом осмотреть прихожую.

— Идемте в лавку, — скомандовала я, щелкая замками и поворачиваясь к любительнице современных любовных романов. — Гортензия, вы ведь поможете мне с порядком?

— Да, конечно.

Пока я искала средство от мигрени и отмеряла в пустой пузырек нужное количество, Гортензия умудрилась не только протереть прилавки от копоти, но и вытянуть из Теодора кучу интересных сведений.

Оказалось, что яма, в которую на днях провалился мэрский помощник, никакая и не яма вовсе, а очередная рабо-

чая халатность.

Случилось это лет эдак семь назад, когда нашему сумасбродному принцу Каллиану приспичило прокатиться по королевству. В официальных источниках писали, что «будущий наследник осматривает владения и вникает в проблемы простого люда». В действительности же молодому принцу осточертели столичные кабаки, игорные клубы и официальные празднества, где надо улыбаться гостям, держать лицо и кружить в танце молодых дебютанток. Вот венценосный дурак и решил ударить по разнообразию. Собрал охрану, натыкал в карте флажков, обозначая места, куда хотел заскочить с внеплановым визитом, и удрал из столицы.

Градоправители засуетились, схватились за сердце и попытались слечь с неожиданным инфарктом, но вовремя вспомнили, что список того, что давно планировалось починить, перестроить и улучшить, займет аж три листа, и бросились выполнять возложенные на них поручения.

Вот так и вышло, что прошлый мэр Страшилвилля в одночасье опомнился, прошелся с шапкой по спонсорам и взялся за то, что давно обещал сделать: замостить главную площадь. Делалось все в спешке и страхе, что вот-вот в город пожалует сам принц, поэтому кто-то из рабочих решил самую капельку схалтурить и положил аккуратные квадратики кирпичей поверх технического люка, ведущего в канализацию.

Минуло семь лет, и этот самый всеми забытый и потерянный люк внезапно решил обрушиться под ногами не подо-

зревающего о подвохе Теодора.

— Я так испугался, когда это случилось, — доверчиво делился с госпожой Флау помощник. — Ребра до сих пор болят так, словно парочка из них поломалась... Кстати, госпожа светлая колдунья, у вас найдется что-то еще и от похмелья?

— А как связаны ребра и похмелье? — не уловила я за логической связи.

— Так это не мне. Это Йорл.

— Кому?

— Ну, тому... — Помощник поднял руки, выпучил глаза и пошевелил пальцами.

— Это для гостя из нижнего мира, — пришел на помощь Нейтон Рок.

Он практически не принимал участия в беседе, предпочитая стоять в сторонке и с интересом наблюдать за моей суетой с баночками и зельями.

— Бедняга так впечатлился нашим городом, что напился? — предположила я, упаковывая лекарство в бумажный пакет и завязывая сверху белый бантик.

— Хуже, — усмехнулся Нейтон. — Ваш город произвел на него всего лишь неизгладимое впечатление, а вот внуки госпожи Заленвах окончательно добились хрупкую иномирную психику.

На слове «внуки» госпожа Флау непроизвольно вздрогнула. Теодор сглотнул и оттянул ворот рубашки. И только я беспечно поинтересовалась:

— А что случилось?

ГЛАВА 13. В которой ведьма чувствует смущение

Выяснилось, что после всех треволнений бедный жабосьминог таки дополз до мэрии, чтобы встать на учет.

В подобных случаях попаданцы обязаны были пройти ряд бюрократических проверок, заполнить анкеты, сделать несколько снимков и разместить список требований для будущих работодателей. Но вечерок у госпожи мэра выдался сумасшедший, поэтому она предложила перенести всю эту обязательную бумажную волокиту на утро.

Секретарша Бэллочка, которой перепоручили гостя, покопалась в ящике с ключами и предложила иномирцу на выбор ряд комнат в единственной на весь город гостинице, но Йорл осмотрелся по сторонам, решил, что идти куда-то не так безопасно, как сидеть в приемной самой влиятельной женщины этого страшного города, и ткнул щупальцем в сторону аквариума.

— А можно я займу вон ту емкость?

Бэллочка покосилась на аквариум, где еще в обед меланхолично плескалась заморская рыбка, подаренная госпоже Заленвах кем-то из чиновников на прошлый день города. До нового дня города рыбка не дожила каких-то двух недель, трагически отдав морским богам свою душу и всплыв брю-

ХОМ вверх.

— Да, конечно, располагайтесь, — закивала секретарша, наклоняясь за сачком, чтобы по тихому смыть трупик в канализацию. — Я только выловлю эту пакость и...

— Не надо, не надо, — перебил ее Йорл, одним из щупалец перехватывая уже занесенный сачок. — Я как раз еще не ужинал.

Бэллочка проследила за тем, как гость шустро заползает в резервуар с водой. Передернулась при виде того, как многочисленные щупальца обвивают жертву и, сославшись на рабочие вопросы, позорно сбежала, дабы не смущать трапезничающего гостя своей усталой персоной.

И надо же было так совпасть, что именно в этот момент в приемную нагрянули внуки госпожи Заленвах...

— Бабушка? — сунул голову в кабинет один из братьев.

— Смотри! — ткнул его локтем в бок другой.

«Цветы жизни» и кошмары родителей узрели аквариум с жабосьминогом. Жабосьминог их тоже узрел и впал в отчаянье.

Шестым чувством иномирец понял, что надо бросать ужин и срочно драпать, но не успел даже булькнуть, как деятельные братья взяли его в оборот.

Сперва в ход пошел сачок, которым малолетние обормоты попытались выловить дрожащего от страха жабосьминога, но Йорл забился под корягу на дне, и ничего не вышло. Тогда детки попытались выловить его руками, но банально

не достали до дна и только намочили рукава футболок. Поняв, что так просто чудо-юдо «рыбка» рассмотреть себя поближе не даст, мальчишки переглянулись. Улыбнулись. И...

В тот момент, когда в приемную вошли госпожа Заленвах и Нейтон, в аквариуме кружил водоворот, раскручиваемый братьями, а бедный Йорл бултыхался в его сердце, точно по ошибке заглянувший на аттракционы школьник со слабым вестибулярным аппаратом.

— Дети! — рявкнула госпожа мэр.

— Ой! — пискнула Бэллочка, прибежавшая в приемную на шум.

— Буль-буль... — простонал зеленый от пережитого Йорл.

Пока дорогого гостя из нижнего мира тошнило в заботливо подставленную господином Роком кружку, госпожа мэр отчитывала внуков. В ход шли проверенные средства: обещание дать ремня по наглым попам, запереть дома, лишить сладкого и поставить в угол. А также хватание за голову и выразительное молчание, которое убивает сильнее, чем даже самый громкий крик.

— Мы больше так не будем, — клятвенно пообещали впечатлившиеся угрозами сорванцы.

Повесили носы и самостоятельно встали в угол, испытывая самое глубокое раскаяние, на которое только были способны...

Но стоило взрослым отлучиться всего на десять минут,

чтобы подписать документы и обговорить детали, как случилось неизбежное — дети вновь набедокурили.

— Понятия не имею что, а главное, как они умудрились сделать, — с мягкой улыбкой наставника, который привык и не к таким чудачествам подрастающего поколения, делился Нейтон, — но когда мы вышли в приемную, Бэллочка лежала на полу в глубоком обмороке, розовый от ужаса Йорл сидел в засаде на люстре, а Марк с Энги шваброй пытались сбить иномирца на пол.

Я кусала губы, чтобы не засмеяться в голос от этой картины, ибо отлично помнила, как чудила во дворце в свои молодые годы, а вот остальные моего веселья не разделяли. Гортензия хваталась за сердце и громко радовалась, что боги уберегли ее от внуков. Теодор же вел себя, как старик запертый в теле молодого мужчины, то есть ворчал и сокрушался, что «это подрастающее поколение совсем от рук отбилось, вот мы в этом возрасте так себя не вели и уважали старших».

Нейтон держал нейтралитет, кажется больше интересуясь обстановкой лавки и моими действиями, чем осуждением хулиганистых внуков госпожи Заленвах.

— Я забрал Йорла к себе в гостиницу и отдал ванную в качестве жеста доброй воли, — продолжил он. — Йорл начал рассматривать бутылки с шампунями и наткнулся на одеколон, который решительно пригубил.

— Что ж ты не предложил ему нормальной выпивки, — укорила я брюнета, шустро упаковывая лекарство от похме-

ля.

— Я предложил и даже устроил дегустацию, но виски горчил, вино кислило, пиво было отвергнуто на стадии словесного описания...

«И он наклюкался одеколона, о чем круто пожалел с утра пораньше...» — мысленно додумала я окончание этой истории и передала мужчинам пакетики с зельями. От мигрени (для госпожи Заленвах), от боли (для чувствительных ребер Теодора) и от похмелья (для жабосьминога).

— Спасибо, госпожа добрая колдунья, — радостно улыбнулся Теодор, счел, что на словах благодарности можно и закончить, развернулся и пошел в коридор.

Брюнет же проявил чудеса расточительности и полез за кошельком.

— Что ты делаешь этим вечером? — уточнил он, выкладывая пару монет.

— Работаю.

— А следующим?

— Зависит от того, когда ты уедешь из города, — сказала я, смахивая монеты с прилавка и пряча в карман, пока Гортензия не обнаружила, что светлой колдунье заплатили чеканной монетой, и не начала задавать никому ненужные вопросы. — А кстати, когда ты уезжаешь?

Нет, ну а что такого? Должна же я знать, сколько еще калитку к моему дому будут осаждать желающие прихорашиваться девушки и дамы. И нет, я не меркантильная. У меня

просто правильный взгляд на работу за деньги.

Нейтон задумчиво покрутил в руках пакет с настойкой от похмелья для Йорла и посмотрел на меня.

— Еще не решил, — вкрадчиво и отчего-то двусмысленно сказал он.

Почувствовав непонятную волну жара в теле, я покосилась на выразительные губы мужчины и облизнула собственные.

А что такого? Да, немного занервничала. А вы бы попробовали оставаться спокойной и рассудительной, когда рядом стоит герой со страниц любовного романа и лучезарно улыбается, пристально глядя вам в глаза.

Так, стоп. Шарлотта, тормози коней и фантазию, пока не сделала то, из-за чего потом покраснеешь и пожелаешь провалиться сквозь землю.

И я-то прислушалась к голосу разума, а вот господин Нейтон Рок, по всей видимости, не пожелал и поддался очарованию момента. Его взгляд потемнел, тело качнулось вперед, и...

И тут в лавку вбежал перепуганный Теодор.

— Госпожа колдунья. А как мы теперь выйдем?

ГЛАВА 14. В которой ведьма всех спасает

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.